

Александр Мелехин

КНИГА ВЕЛИКОЙ ЯСЫ,
или
СКРИЖАЛИ
ЧИНГИСХАНА

Александр Мелехин

**«Книга Великой Ясы», или
Скрижали Чингисхана**

«Питер»

2022

УДК 94(517.3)
ББК 63.3(5Мо)41

Мелехин А. В.

«Книга Великой Ясы», или Скрижали Чингисхана /
А. В. Мелехин — «Питер», 2022

ISBN 978-5-00116-841-6

На фоне наиболее значимых исторических событий эпохи Чингисхана реконструированы все этапы процесса формирования и эволюции государственно-правовой системы Великого Монгольского Улуса, читателю представлены и прокомментированы практически все фрагменты «Книги Великой Ясы» Чингисхана, дошедшие до нас из глубины веков. Особое внимание было уделено нашедшим свое отражение в «Книге Великой Ясы» военно-политической доктрине (монгольскому тэнгэризму), новой концепции международных отношений Великого Монгольского Улуса и их реализации во время правления Чингисхана (1206-1227 гг.). В приложении рассказано о действии «Книги Великой Ясы» в постчингисхановскую эпоху на территории Руси, которая в XIII-XV вв. входила в состав Золотоордынского ханства. Научно-популярное издание, рассчитанное как на ученых-правоведов, историков, религиоведов, так и на студентов, аспирантов, преподавателей и научных работников вузов, а также на всех читателей, интересующихся историей жизни и деятельности Чингисхана. 860-летию Чингисхана посвящается. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(517.3)
ББК 63.3(5Мо)41

ISBN 978-5-00116-841-6

© Мелехин А. В., 2022

© Питер, 2022

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	15
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Мелехин
«Книга Великой Ясы»,
или скрижали Чингисхана

*Сергею Ивановичу (Серому) Степанову
посвящается*

© ООО Издательство «Питер», 2022

© Хлапова В. А., 2022

Предисловие

Основой власти во всех государствах... служат хорошие законы и хорошее войско.

Никколо Макиавелли¹

Чингисхан не только покрыл себя неувядаемой славой Великого завоевателя, но и стяжал себе лавры Великого законодателя.

Последнее представляется почти невозможным, если взять в расчет его беспрерывные войны.

Франсуа Пети де ла Круза²

Талант военного строителя и полководческий гений Великого Монгола давно общепризнаны. Но Чингисхан как *выдающийся законодатель* и его Свод монгольских имперских законов, «Книга Великой Ясы», вне монголоведческого сообщества до сих пор практически неизвестны. Восполнению этого пробела и посвящена эта книга.

К сожалению, до нашего времени не дошел полный, подлинный список «Книги Великой Ясы». Однако монгольские, персидские, китайские, сирийские, египетские, корейские, армянские и западноевропейские авторы в своих сочинениях, которые далее будут цитироваться, утверждали, что такие списки существовали, публиковали отдельные фрагменты этого Свода монгольских имперских законов, пытались восстановить его состав и структуру

Оценивая перспективы данной работы, Г. В. Вернадский³ подчеркивал, что «впредь до открытия полного подлинного текста “Книги Великой Ясы” нет возможности установить пер-

¹ Никколо Макиавелли (1469–1527) – итальянский мыслитель, философ, писатель, политический деятель, автор военно-теоретических трудов. Выступал сторонником сильной государственной власти, для укрепления которой допускал применение любых средств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Макиавелли>, – Никколо.

² Пети де ла Круза Ф. История великого Чингисхана (на монг. яз.). Улан-Батор, 2015. С. 39; Пети де ла Круза (1622–1695) – известный европейский ученый XVII в.

³ Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) – американский историк-евразиец русского происхождения, две книги которого – «О составе Великой Ясы Чингисхана» (1939) и «Монголы и Русь» (1953) – стали серьезным вкладом в изучение «Книги Великой Ясы» Чингисхана.

воначальный порядок ее отделов и статей. Можно, однако, хотя бы приблизительно установить общий круг предметов содержания Ясы («Книги Великой Ясы». – А. М.) и таким образом судить о размахе правовой мысли ее творцов – Чингисхана и его ближайших сотрудников»⁴.

Не было у Г. В. Вернадского однозначного ответа и на вопрос *об источниках «Чингисовых идей имперского государства и имперского права»*⁵. Однако задолго до него современники Чингисхана давали собственные ответы на этот вопрос, в зависимости от мировоззрения и обусловленных им религиозных убеждений, называя мифические источники «*обобщенной мудрости*» Великого Монгола.

Так, согласно армянскому летописцу иноку Магакью⁶, «когда монголы изнурены были жалкой и бедственной жизнью, их осенила внезапно здравая мысль: они призвали себе на помощь Бога, Творца неба и земли, и дали ему великий обет – пребывать вечно в исполнении Его повелений. Тогда, по повелению Бога, явился им ангел в виде орла златокрылого и, говоря на их языке, призвал к себе их начальника, которого звали Чангыз (Чингис. – А. М.). Этот последний пошел и остановился перед ангелом в виде орла, на расстоянии брошенной стрелы. Тогда орел сообщил им на их языке все повеления Божии. Вот эти божественные законы, которые он им предписал и которые они на своем языке называют Ясак: во-первых, любить друг друга; во-вторых, не прелюбодействовать; не красть; не лжесвидетельствовать; не быть предателями; почитать старых и нищих; и если найдется между ними кто-либо нарушающий эти заповеди, таковых предавать смерти. Дав эти наставления, ангел назвал начальника кааном (императором. – А. М.), который с тех пор стал прозываться Чангыз-Каан (Чингисхан. – А. М.). И повелел ему ангел господствовать над многими областями и странами и множиться до безмерного числа. Так это и случилось»⁷.

А.-М. Джувейни⁸, рассматривавший боговдохновенный разум Чингисхана как источник «Книги Великой Ясы», в своем сочинении «История завоевателя мира» писал: «*Поелику Всевышний отличил Чингисхана умом и рассудком от его сотоварищей и возвысил его над царями мира по бдительности и могуществу, то он... из ума-разума своего сочинял то, что было связано с устройством завоевания стран и относилось к сокрушению мощи врагов и возвышению степени своих подвластных... Положил он для каждого дела законы и для каждого обстоятельства правило и для каждой вины установил кару, а как у племен татарских*⁹ *было письма, повелел он, чтобы люди из уйгуров научили письму монгольских детей, а те ясы и приказы записали они на свитки, и называются они Книгой Великой Ясы*»¹⁰.

Помимо тех мифических источников «обобщенной мудрости» Чингисхана, о которых писали армянский и персидский летописцы, по мнению католического миссионера Джованни дель Плано Карпини¹¹, монголы «*имели некоторые предания о том, что называют грехами*

⁴ Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингисхана. Брюссель, 1939. С. 12.

⁵ Там же. С. 34.

⁶ Григор Акнерци (инок Магакя) (ум. 1335 г.). Инок Магакя, очевидно, переиначил на «христианский манер» услышанную им от монголов легенду о мистическом опыте общения Чингисхана с Верховным божеством монголов, Всевышним Вечным Тэнгри, и включил в свое сочинение «История народа стрелков» легендарный рассказ о появлении «Книги Великой Ясы» Чингисхана, а также некоторые сведения о ее составе.

⁷ Инок Магакя. История народа стрелков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://drevlit.ru/texts/m/magakia.php>.

⁸ Ала-ад-Дин Ата-Мелик Джувейни (1226–1283) – с 1256 г. находился на службе у первого правителя Монгольского Илханского государства, иль-хана Хулагу. В его сочинении «История завоевателя мира» (1260 г.) был впервые засвидетельствован факт существования «официального свода ханских законов» – «Книги Великой Ясы». Причем простому перечислению законов и указов Чингисхана А. М. Джувейни предпочел довольно полное описание важнейших из них.

⁹ Татарами (дада) монголов стали называть китайские авторы из государства Сун (960–1279 гг.). Это название было не этническим, а собирательным: татарами называли все некое население центральноазиатских степей независимо от этнической принадлежности (Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. С. 163).

¹⁰ Джувейни А.-М. История завоевателя мира // Чингисхана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 463.

¹¹ Джованни дель Плано Карпини (нач. 1180 – не позднее 1252) – католический миссионер-францисканец, направленный к монголам папой римским Иннокентием IV, в основном с разведывательными целями. Плано Карпини сумел собрать поря-

(проступками, преступлениями. – **А. М.**), *измышленные или ими самими, или их предшественниками*»¹².

Под «предшественниками» Плано Карпини, очевидно, понимал ближайших предков Чингисхана. И хотя католический миссионер, как говорится, зрел в корень и был отчасти прав, глубоко в дебри истории монголов он не лез.

Зато современные исследователи «Книги Великой Ясы» Чингисхана, ставя вопрос об источниках «*Чингисовых идей имперского государства и имперского права*», считают, что ответ на этот вопрос следует искать, прежде всего, в китайских династийных хрониках, повествующих о раннефеодальных государствах кочевых монголоязычных и тюркских народов, существовавших на территории Монголии¹³.

Основываясь именно на китайских источниках, Н. Я. Бичурин (1777–1853)¹⁴ в своем кратком историческом обозрении еще в 1828 г. поведал о государственных образованиях кочевых монголоязычных и тюркских народов, живших на территории Монголии, и пришел к следующим выводам о «начале монгольского народа» и зарождении его государственности: «Более чем за двадцать пять веков до нашей эры скитался уже народ сей (монгольские племена. – **А. М.**) со своими стадами по пустыням, сопредельным Северному Китаю...

При великих военных переворотах часто многочисленные поколения (монголов. – **А. М.**) переходили с юга на север или с севера на юг, с пределов восточных на край западный и там навсегда оставались...

Вся история народа монгольского свидетельствует, что переходы его поколений из одного края в другой происходили от раздела земель при каждом важном перевороте в сей стране, но ни при одном происшествии (она) не говорит, чтобы вошел в Монголию другой народ, отличный от коренного и по происхождению, и по языку, – [и в этом] неоспоримое доказательство единства монгольского народа и в самой древности...

Монголам известен один только образ правления – удельный. Они разделяются на поколения или уделы, называемые аймаками. Целое государство или народ (улус. – **А. М.**) получает у них название от имени господствующего дома, а каждый аймак – от владетельного поколения (племени. – **А. М.**). С падением владетельных домов народ их не теряет своего бытия, но с переменою оных получает только новое название.

Сим образом один и тот же монгольский народ существует от древнейших времен до ныне под разными только именами... При династиях Цинь и Хань – хунну и гунну. Потом он носил попеременно имена сяньби, жу-жу (жужан), кидань, татань (дада. – **А. М.**), монгол...»¹⁵

Основываясь на тех же источниках, что и Н. Я. Бичурин, один из ведущих современных специалистов в области истории кочевых обществ, американский ученый Т. Барфилд считал отличительной особенностью империи Хунну и последующих государственных образований, существовавших на территории Монголии до эпохи Чингисхана, их *конфедеративную форму* государственного устройства.

«Предшественниками Монгольской империи (Чингисхана. – **А. М.**), – писал американский ученый, – были *имперские конфедерации, использовавшие принципы племенной орга-*

дочный объем интересующей нас правовой информации, касающейся имперского законодательства монголов (Карпини Дж. История монголов. СПб.: Литео, 2014. С. 5, 7–11, 14–15, 21–22, 24, 27, 35).

¹² Карпини Дж. История монголов // Чингисиана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 649.

¹³ Государственными образованиями, существовавшими на территории Монголии до эпохи Чингисхана, были улусы: Хуину (209 г. до н. э. – 93 г. н. э.), Сяньби (156–235 гг. н. э.), Муюн (285–410 гг.), Тоба (313–581 гг.), Жужан (Монгол-Нирунское государство) (330–555 гг.), Первый и Второй тюркские каганаты (552–745 гг.), Уйгурский каганат (745–840 гг.), Киргизское ханство (818 – ок. 900 г.) и, наконец, киданьская империя Ляо (916–1125 гг.).

¹⁴ Н. Я. Бичурин (Иакинф) – архимандрит Русской православной церкви в 1802–1823 гг.; востоковед и путешественник, знаток китайского языка, один из основоположников российской синологии, первый китаевед, получивший общеевропейскую известность.

¹⁵ Бичурин Н. Я. Записки о Монголии. Самара: Агни, 2010. С. 136, 181–182.

низации (выделено мной. – **А. М.**). Племенные вожди управляли на локальном уровне, в то же время имперская структура основывалась на монополии на внешнюю политику и военные дела... Особенностью имперских конфедераций было включение в их состав племен без разрушения их трайбалистской структуры (племенной обособленности. – **А. М.**)... На местном уровне составляющие конфедерацию племена (в том числе и монголоязычные. – **А. М.**) управлялись почти так, как до их включения в состав кочевой империи. Местные вожди и старейшины сохраняли значительную автономию из-за их тесных связей с соплеменниками. Поэтому, когда имперская структура разваливалась, вожди племен были готовы проявиться как автономные политические деятели»¹⁶.

Действительно, исторические источники свидетельствуют о том, что возникавшее и процветавшее в кочевом обществе (на территории современной Монголии) государство постепенно приходило в упадок и распадалось, и тогда *древнее монгольское общество снова полностью возвращалось к родовой и аймачной организации*... Такая историческая закономерность позволила исследователям охарактеризовать путь эволюции древнего общества монгольских кочевников как «спиралеобразный».

Главная причина этого многовекового спиралеобразного процесса, как считал монгольский ученый Ш. Бира (1927–2022), заключалась в том, что «появление государства (в форме конфедерации. – **А. М.**) в этом обществе не приводило к коренному изменению и уничтожению старого родового строя, родовой и аймачной (племенной. – **А. М.**) организации, основывавшихся на кочевом скотоводстве...»¹⁷

Отметим, что в течение всего I и в начале II тысячелетия н. э. не менялась не только родовая и аймачная организация древнего монгольского общества, но и господствовавший в нем способ хозяйствования – «особый тип *производящего хозяйства – кочевое скотоводство*», а также порожденный им *хозяйственно-культурный тип скотоводов-кочевников сухих степей Евразии*.

Кроме того, в этот период времени устойчиво сохранялись и такие формы предшествовавшего ему способа хозяйствования (*присваивающей экономики*), как охота, рыболовство и собирательство. Это сосуществование двух способов хозяйствования обусловило наличие в регулятивных системах существовавших на территории Монголии конфедераций признаков обоих и их преемственность.

При этом из древнекитайских хроник и тюркских источников явствует, что каждое последующее раннефеодальное государство кочевых народов, которое образовывалось на территории Монголии, не только в той или иной мере наследовало правовые традиции предшественника, но и само, участвуя в законотворческом процессе, развивало эти традиции, обогащало их собственными правовыми обычаями и нормативно-правовыми актами¹⁸.

Все это *правовое наследие*, передаваясь потомкам из поколения в поколение, дошло до эпохи прародителей Чингисхана (VIII–XII вв.), а затем до эпохи и самого Чингисхана, оказав заметное влияние на формирование его мировоззрения, которое, в свою очередь, обусловило правовые и моральные нормы поведения, впоследствии сформулированные самим Чингисханом и, по его мнению, «для народа ко всему пригодные».

¹⁶ Барфилд Т. Монгольская модель кочевой империи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. С. 258–259.

¹⁷ Бира Ш. Некоторые проблемы истории и идеологии Великого Монгольского Улуса (на монг. яз.). Улан-Батор, 2006. С. 5–6.

¹⁸ Болдбаатар Ж., Лундээжанцан Д. Государственные и правовые исторические традиции Монголии (на монг. яз.). Улан-Батор, 2011. С. 16–56; Дашиям И. История монгольского государства и права (на монг. яз.). Улан-Батор, 2005. С. 56, 68, 83, 108–118, 130. Это касалось и тюркских народов, образовывавших в VI–IX вв. свои раннефеодальные государства на территории Монголии: переняв государственно-правовые традиции монголоязычных народов (хунну, сяньби, нирун), они передали эти традиции как эстафету прародителям Чингисхана.

Именно поэтому вслед за католическим миссионером Плано Карпини можно с уверенностью сказать, что *функционировавшая, развивавшаяся и обновлявшаяся на протяжении четырех столетий (VIII–XII вв.), в эпоху собственно прародителей Чингисхана, социально-регулятивная система* явилась предтечей появления «новой системы права – права ханского или имперского»¹⁹, созданного Чингисханом.

Исходя из этого, *первую главу*²⁰ нашего повествования мы посвятили древнемонгольскому родоплеменному обществу эпохи прародителей Чингисхана: важнейшим этапам его эволюции, сосуществовавшим в нем формам присваивающей и производящей экономики и соответствовавшей этому «смешанному» способу ведения хозяйства социально-регулятивной системе.

Для анализа структуры этой социально-регулятивной системы нами использованы «Сокровенное сказание монголов»²¹ и «Сборник летописей» Рашида ад-Дина²². В этих источниках нашли свое выражение *социальные нормы* регулятивной системы интересующего нас периода (VIII–XII вв.), а также была зафиксирована эволюция этой системы в процессе постепенного перехода (начало XII в.) к новым формам организации хозяйственной деятельности (*от куренной к аильной форме кочевания*) и социальной жизни (*от родового строя и сопутствовавших ему союзов кровных родственников к новым организационным формам жизни общества: родоплеменным объединениям или ханствам*).

Именно такое родоплеменное объединение «Хамаг Монгол улс» (улус «Все Монголы») (30-80-е гг. XII в.) возникло на месте прежнего союза кровных родственников – Монгольского улуса²³.

Что же касается политической системы монгольского общества этого периода (XII в.), то многие современные ученые-монголоведы характеризуют улус «Хамаг Монгол» как «*протогосударство*», «*чифдом*», «*вождество*»²⁴, хотя бы уже потому что в нем «не имелось института, способного сохранять целостность образования и обладавшего средствами принуждения»²⁵. Эти суждения современных ученых-монголоведов основываются, в том числе, и на известии древних источников о случившемся в 1171 г. крахе улуса «Хамаг Монгол».

Характеризуя данный этап эволюции социально-регулятивной системы этого «протогосударства» к моменту появления Тэмуджина-Чингисхана на исторической арене (вторая половина XII в.), следует отметить, что *монгольское родоплеменное общество находилось лишь в «первой фазе развития права – фазе его зарождения»*²⁶.

Во второй главе нашей книги мы расскажем о том, как в эпоху Тэмуджина-Чингисхана продолжался процесс становления новых форм производящей экономики, на основе чего выявим внутренние и внешние факторы создания Великого Монгольского Улуса, сообщим об

¹⁹ Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингисхана. Брюссель, 1939. С. 33.

²⁰ В первой и во всех последующих главах нашего повествования мы будем основываться как на выявленных современными учеными наиболее общих закономерностях возникновения, развития и функционирования государства и права, так и на реальных государственно-правовых процессах, происходивших в монгольском родоплеменном, а затем и в раннеклассовом обществе в интересующую нас эпоху.

²¹ «Сокровенное сказание монголов» (1240 г.) повествует о роде, из которого вышел Чингисхан. Представляет собой цепь эпических сказаний, переработанных с целью сделаться заветным преданием дома Чингисхана, его «историей» (Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 306).

²² Видный политический деятель монгольского государства иль-ханов, ставший крупнейшим персидским историком XIII–XIV вв., Рашид ад-Дин (1247–1318) – автор фундаментального летописного свода «Сборник летописей».

²³ Сокровенное сказание монголов // Чингисхана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 57.

²⁴ Подробнее об этом: Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингисхана. М.: «Восточная литература» РАН, 2006. С. 107–112; Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, 2004. С. 42–48; Бира III. Некоторые проблемы истории и идеологии Великого Монгольского Улуса (на монг. яз.). Улан-Батор, 2006. С. 12–14.

²⁵ Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингисхана. М.: Восточная литература РАН, 2006. С. 106.

²⁶ Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2013. С. 79.

условиях материальной и социальной жизни общества монгольских кочевников XII–XIII вв., явившейся источником формирования мировоззренческой системы Чингисхана, из которой «логически вытекали... каждое отдельное его действие, каждый его поступок или приказ»²⁷.

Затем речь пойдет о социально-экономических предпосылках появления первых *яс* и *биликов* Чингисхана. Мы попытаемся восстановить хронологию этого процесса: как сначала Тэмуджином-Чингисханом использовались нормы обычного права, а затем с учетом характерных особенностей правовых систем предыдущих ранних государств еще до провозглашения Великого Монгольского Улуса он занялся собственной законотворческой деятельностью (1189–1205 гг.), в результате чего «началось оформление данного пласта регулятивной системы в некую систему правил (норм)»²⁸.

В этой связи будет рассказано и об этнокультурных особенностях древнего общества монгольских кочевников, влиявших на формирование регулятивной системы эпохи Чингисхана. Это своеобразие выразилось в эволюции *«тору»* («Высшего Закона», публичного, государственного права), возникшего у монгольских и тюркских народов задолго до создания Монгольской империи в качестве источника обычного права, *в систему принципов, стоящую над собственно правовыми нормами и обычаями монгольских племен, ассоциируясь с божественной властью и небесным авторитетом*.

Преобразовательная деятельность Чингисхана и его преемников сделала *тору* своего рода «вспомогательным» правом по отношению к новому имперскому законодательству – *Ясе* («Книге Великой Ясы». – А. М.), своеобразным мостом от прежнего обычного права племен к четкой системе права Монгольской империи²⁹.

В *третьей главе* повествуется о том, как осуществлялись составление, принятие на Великом хуралтае 1206 г. и распространение действия «Книги Великой Ясы» и «Биликов»³⁰ Чингисхана на всю тогдашнюю территорию Великого Монгольского Улуса. Эту фазу в развитии древнемонгольского права прежде всего характеризует ее письменная кодификация, что стало логическим завершением *начального этапа государственного строительства и законотворческой деятельности Чингисхана*, проявившего себя «государственным деятелем крупного размаха, творцом нового имперского права»³¹.

В *четвертой главе* будет рассказано о том, как в дальнейшем (в первую очередь, на Великих хуралтах 1210, 1218, 1224 гг., а также в 1225–1227 гг.) монгольское законодательство развивалось: изменялись и дополнялись прежние *ясы*, «Книгу Великой Ясы» пополняли новые законы и указы Чингисхана, благодаря чему она окончательно стала соответствовать понятию «имперского закона».

Древние источники свидетельствуют о том, что в это время в «Книге Великой Ясы» нашли свое отражение *военно-политическая доктрина монгольского тэнгэризма* или «*мирового единодержавия*», а также *новая доктрина международных отношений Великого Монгольского Улуса (Pax Mongolica – установление и поддержание мира «твердой рукой»)*, о начале реализации которых во время правления Чингисхана (1206–1227 гг.) также повествуется в четвертой главе нашей книги.

²⁷ Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Наследие Чингисхана. М., 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/filosofiya/trubeckoy/trubeckoy_ns_vzglyad_na_chast_I/.

²⁸ Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2013. С. 79.

²⁹ Почекаев Р. Ю. Эволюция *тору* в системе монгольского средневекового права // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 540.

³⁰ «Билики Чингисхана» – это «назидательные слова, притчи, рассказы, которые он сказал по каждому определенному случаю и повелел [принять к исполнению]» (*Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 259–265).

³¹ Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингисхана. Брюссель, 1939. С. 34.

* * *

Таким образом, в нашей книге на фоне наиболее значимых исторических событий эпохи Чингисхана реконструированы все этапы процесса формирования и эволюции государственно-правовой системы Великого Монгольского Улуса, читателю представлены и прокомментированы практически все имеющиеся в нашем распоряжении фрагменты «Книги Великой Ясы» Чингисхана. Причем в той последовательности, в которой эти *ясы* принимались Чингисханом, что лишний раз свидетельствует о том, что «Книга Великой Ясы» – это «не моментально составленный и принятый сборник законов и не систематизированный письменно (систематический) свод правовых актов, но сборник приказов и указов Чингисхана, которые в течение долгого времени при необходимости им выпускались»³².

Действительно, «Книга Великой Ясы», очевидно, не обладала таким признаком права, как системность в его современном понимании. При этом следует согласиться и с мнением монгольского ученого-правоведа И. Дашняма, который утверждал, что «поскольку подлинный оригинал памятника не найден, то каким бы образом не устанавливалась структура “Книги Великой Ясы”, она будет искусственной...»³³

Именно поэтому автор этой книги не считал своей целью систематизацию имеющихся в его распоряжении сведений о системе древнемонгольского права эпохи Чингисхана.

Поскольку в настоящее время «Билики» Чингисхана рассматриваются исследователями как «сопутствующие или дополнительные законы, комментирующие содержание “Книги Великой Ясы”, объясняющие нам общий дух законодательства Чингисхана и восполняющие некоторые пробелы Ясы»³⁴, автор, желая познакомить уважаемых читателей с заветными мыслями Чингисхана, приводит и толкует многие из них в соответствующих местах нашего повествования.

Ясы из «Книги Великой Ясы» и *билики* Чингисхана оформлены в виде врезок. В сносках указаны их источники; в большинстве случаев сохранена формулировка *яс* и *биликов*, как в источнике³⁵, однако для лучшего понимания их современным читателем возможны незначительная стилистическая правка, использование вариантов из других источников, а также формализация, приближающая эти фрагменты к формулировкам самостоятельных законов³⁶, конечно, при условии сохранения смысла; и, наконец, для того, чтобы «понять, когда и почему она (та или иная *яса* или *билик*. – А. М.) появилась, какие цели ставили при их принятии (как они развивались. – А. М.), что, собственно, они устанавливают, определяют»³⁷, все *ясы* и *билики* будут прокомментированы.

* * *

«Сохранившиеся на страницах времен упоминания» повествуют о том, как в государствах чингисидов после распада Великого Монгольского Улуса действовала «Книга Великой Ясы»,

³² Рачневский П. Чингисхан. Жизнь и наследие (на монг. яз.). Улан-Батор, 2006. С. 129–130.

³³ Дашням И. История монгольского государства и права (на монг. яз.), Т. 1. Улан-Батор, 2005. С. 335.

³⁴ Ульмжиев Д. Б., Ням-Осор Н. О «Великой Ясе» («Их Засаг») Чингисхана. Улан-Удэ, 1999. С. 46.

³⁵ Имеются в виду фрагменты «Книги Великой Ясы», взятые из «отчета о содержании Ясы» у Макризи (1364–1442), свода «максим» (биликов) у Рашид ад-Дина, «краткой суммы Ясы», сделанной Григорием Аб-уль-Фараджем (1225/1226–1286), «расширенного пересказа Ясы» Джувейни (Вернадский В. Г. Монголы и Русь. Тверь: Леан; М.: Аграф, 1997. С. 106).

³⁶ В данном издании автор не ставил перед собой цель упорядочения всех фрагментов «Книги Великой Ясы» в соответствии с современными требованиями к структуре правовой нормы (Теория государства и права: Учебник / Под ред. А. В. Малько и А. Ю. Соломатина. СПб.: Юридический центр, 2016. С. 154–157).

³⁷ Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2013. С. 521.

как на ее основе местные правители вели собственную законотворческую деятельность и как правовые нормы монгольского имперского законодательства согласовывались с обычаями и правом подчиненных народов.

Российских читателей, в первую очередь, естественно, интересует действие «Книги Великой Ясы» в пост-чингисхановскую эпоху на территории Руси, которая в XIII–XV вв. входила в состав Золотоордынского ханства. Именно об этом и будет рассказано в Приложении.

Глава 1

Древнемонгольское родоплеменное общество и его социально-регулятивная система в эпоху прародителей Чингисхана (VIII–XII вв.)

У всех этих племен четкое и ясное родословное древо, ибо обычай монголов таков, что они хранят родословие своих предков и учат и наставляют в знании родословия каждого появившегося на свет ребенка... Они делают собственностью народа слово о нем, и по этой причине среди них нет ни одного человека, который бы не знал своего племени и происхождения... Каждому народившемуся дитяти отец и мать объясняют предания о роде и родословной, и они (монголы) всегда соблюдали таковое правило.

*Рашид ад-Дин*³⁸

С какими родичами вы посоветовались, что совершили столь дерзкий поступок? И в возмездие и наказание [за него] перебили их всех.

*Рашид ад-Дин*³⁹

Первые более-менее правдоподобные упоминания о древнемонгольском родоплеменном обществе содержатся в «Легенде об Эргунэ кун», включенной Рашидом ад-Дином в «Сборник летописей», и в «Легенде о Бортэ-Чино, рожденном по благоволению Всевышнего Тэнгри» из «Сокровенного сказания монголов».

«Легенда об Эргунэ кун» начинается с известия о событиях, связанных с крушением и распадом в 555 г. Монгол-Нирунской державы⁴⁰, разгромленной тюркскими племенами⁴¹: тогда

³⁸ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 13, 29.

³⁹ Там же. С. 19.

⁴⁰ Сухбаатар Г. Монгол-Нирунское государство (на монг. яз.). Улан-Батор, 1992.

⁴¹ В период VI – начало X вв. тюркоязычные народы, которые со времен державы Хунну входили в состав или являлись

древние монголы Нукуз и Киян (Хи-ян), спасаясь от тюркских воинов, укрылись со своими соплеменниками «в местности Эргунэ-кун, где среди гор была обильная трава и здоровая [по климату] степь... Они и их потомки долгие годы оставались в этом месте...»

«Когда среди тех гор и лесов этот народ размножился и пространство [занимаемой им] земли стало тесным и недостаточным, – продолжает свой рассказ Рашид ад-Дин, – то они учинили друг с другом совет, каким бы лучшим способом и нетрудным [по выполнению] путем выйти им из этого сурового ущелья и тесного горного прохода.

И [вот] они нашли одно место, бывшее месторождением железной руды, где постоянно плавил железо⁴². Собравшись все вместе, они заготовили в лесу много дров и уголь целыми харварами (перс, дословно “ноша осла” – мера веса, равняется 25–30 пудам. – А. М.), зарезали семьдесят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали [из них] кузнечные мехи. [Затем] сложили дрова и уголь у подножья того кособога и так оборудовали то место, что разом этими семьюдесятью мехами стали раздувать [огонь под дровами и углем] до тех пор, пока тот [горный] склон не расплавился. [В результате] оттуда было добыто безмерное [количество] железа и [вместе с тем] открылся и проход. Они все вместе откочевали и вышли из той теснины на простор степи...

Рассказывают, что все племена монголов происходят из рода тех двух лиц [Нукуз и Киян] (Хиян. – А. М.), которые [некогда] ушли в Эргунэ-кун.

Среди тех, кто оттуда вышел, был один почтенный эмир по имени Буртэ-чинэ (Бортэ-Чино. – А. М.), глава и вождь некоторых племен...»⁴³

С упоминания о Бортэ-Чино персидский летописец приступил к изложению родословной прародителей Чингисхана. Однако мы в этом вопросе предпочли монгольский первоисточник пересказу правоверного мусульманина Рашида ад-Дина.

Первоисточниками для нас являются монгольские легенды, повествующие о прародителях Чингисхана отнюдь не с позиций догматики ислама; в этих легендах впервые было четко рассказано с позиций тэнгрианства, то есть культа Всевышнего Тэнгри, шаманизма древних монгольских кочевников, о небесном происхождении «главы и вождя некоторых племен» монголов Бортэ-Чино, а затем и о «небесном мандате» на ханскую власть рода хиад-боржигин Чингисхана.

Ранее в течение пяти веков передававшиеся изустно и таким образом сохранившиеся в памяти народной эти легенды впервые были письменно зафиксированы во время составления «Сокровенного сказания монголов» (первая половина XIII в.).

Автор «Сокровенного сказания монголов», если хотите, юридически закрепляя устное предание⁴⁴ предпослал ему заголовок «Прародители Чингисхана» и начал собственное изложение родословной предков Чингисхана с известия о небесном происхождении Бортэ-Чино: «Рожденный по благоволению Всевышнего Тэнгри (Верховного божества монголов. – А. М.), – Бортэ-Чино и его жена Гоа-Мар ал – переправились через воды реки Тэнгис, пошли и сели в окрестностях горы Бурхан халдун⁴⁵, что в верховьях реки Онон»⁴⁶.

вассалами господствовавших на территории Монголии Домов, нашли в себе силы создать свои ханства (Первый и Второй тюркские каганаты (552–745 гг.), Уйгурский каганат (745–840 гг.), Киргизское ханство (818 – ок. 900 гг.) и, подчинив себе монгольские племена, установить господство в Центральной Азии.

⁴² Это известие засвидетельствовало наличие других, помимо кочевого скотоводства, форм производящей экономики.

⁴³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 153–154; т. 1, кн. 2. С. 9. По мнению монгольского ученого Х. Пэрлээ, Бортэ-Чино родился ок. 758 г. Далее предположительные даты рождения предков Чингисхана также даются по версии Х. Пэрлээ.

⁴⁴ Имеется в виду «Легенда о Бортэ-Чино, рожденном по благоволению Всевышнего Тэнгри», использованная автором «Сокровенного сказания монголов».

⁴⁵ Гора Бурхан халдун находится в Хэнтэйском аймаке в северо-восточной части современной Монголии.

⁴⁶ Сокровенное сказание монголов // Чингисхана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 50.

Дальнейшее изложение монгольским летописцем родословной прародителей Чингисхана (VIII–XII вв.), в частности, истории Алан-гоа и ее семьи (вторая половина X в.), прежде всего, проливает свет на хозяйственную и общественную организацию древнемонгольского общества в интересующую нас эпоху: *«Отец Алан-гоа – хорь тумэдский ноён⁴⁷ Хорилардай-Мэргэн, а мать – Баргужин гоо; родилась Алан-гоа в уделе хорь тумэдов в местности, называемой Ариг ус... Хорилардай-Мэргэн отошел от пределов хорь тумэдских по причине раздоров, вспыхнувших меж близживущих родов, кои желали отвоевать друг у друга уделы, обильные зверем – соболем и белкой. Хорилардай-Мэргэн и люди его обособились, и прозвались они племенем Хорилар по имени ноёна своего. Прознав, что в окрестностях Бурхан халдуна зверя в изобилии, хорилары перекочевали в удел Шинчи баяна урианхайского⁴⁸, который поставил на горе Бурхан халдун кумира для поклонения духам-хранителям той горы»^{49, 50}*

Вслед за персидским и монгольским летописцами обратим внимание читателей на следующие ключевые моменты их сообщений, которые проливают свет на интересующую нас *регулятивную систему родоплеменного общества монгольских кочевников эпохи прародителей Чингисхана в VIII–XII вв.*

Судя по свидетельствам процитированных нами источников, тогдашний способ хозяйствования прародителей Чингисхана соединил в себе характерные для *присваивающего способа ведения хозяйства* охоту, рыболовство и собирательство съедобных растений⁵¹ с «особым типом *производящего хозяйства* — кочевым скотоводством»⁵². Формирование в степях Центральной Азии *хозяйственно-культурного типа скотоводов-кочевников* сухих степей Евразии⁵³ послужило основанием говорить о новых условиях жизни древних предков монголов, которые создали переход к кочевому скотоводству.

«Прежде всего племена степных пространств Центральной Азии приобрели постоянный и достаточный источник существования, подчас даже избыток высококачественных продуктов и сырья. Количество пищи лимитировалось наличием скота, его продуктивностью и площадью пастбищ, от которых зависело теперь благосостояние коллектива... А так как скот и пастбища – легко отчуждаемое имущество, то у различных коллективов, связанных между собой отношениями родства и свойства, возникала необходимость в постоянной готовности к их защите. Это способствовало существенным изменениям в социальной организации общества. До этого община состояла, как правило, из представителей двух-трех матрилинейных тотемических родов, связанных брачными отношениями своих членов и вытекающими из этого

⁴⁷ Ноён – князь, господин. В процессе классового расслоения монгольского общества во всех племенах выделился господствующий класс – ноёнство; ноёны подчиняли себе сначала большие группы людей своего племени, а затем и целиком какой-нибудь род, постепенно добываясь власти над всем племенем... *хорь тумэдский ноён* — один из предводителей племен хори и тумэд, «стойбища и жилища которых находятся на той (западной. – А. М.) стороне реки Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуд-жин-Токум» (*Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 121–122).

⁴⁸ Племя урианхайцев, по сведениям Рашид ад-Дина, было в числе племен, покинувших Эргунэ-кун и перебравшихся в местность Бурхан халдун.

⁴⁹ Уже во времена прародителей Чингисхана существовал культовый ритуал поклонения духам – хранителям горы Бурхан халдун. С этой местностью связаны многие события жизни и деятельности Чингисхана, о которых будет рассказано впоследствии.

⁵⁰ Сокровенное сказание монголов // Чингисхана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 50–51.

⁵¹ *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 19; Сокровенное сказание монголов // Чингисхана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 51, 54.

⁵² *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 154; Сокровенное сказание монголов // Чингисхана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 54.

⁵³ Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы народов Восточной Азии // Народы Восточной Азии. М., 1965. (Серия «Народы мира»); Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. С. 104.

взаимными обязательствами (совместная коллективная охота, взаимопомощь, кровная месть, нормы экзогамии⁵⁴).

Экономическая основа кочевого скотоводства стала базой для формирования нового типа общины... При сохранении кровнородственной основы в общине стали медленно изменяться принципы линейности родства, что было связано с расширением роли и функций мужчин в обществе... Так постепенно складывается понятие о двойном родстве, закрепленное в монгольских терминах родства (родство по матери и родство по отцу), причем родство по отцу постепенно выходит на передний план...

Род и община становятся постепенно патрилинейными, а на смену тотемическому материнскому роду приходит генеалогический отцовский род. Постоянное ядро общины составляет группа родственников разных поколений, принадлежащих к одному отцовскому роду...

Явления, сопутствовавшие перестройке общественной организации у народов, генетически связанных с монголами... бытовали *вплоть до конца I тысячелетия новой эры* (выделено мной. – А. М.)⁵⁵, то есть как раз в рассматриваемую нами эпоху прародителей Чингисхана.

К таковым явлениям относится и действовавшая в эпоху прародителей Чингисхана регулятивная система. Поскольку в древнемонгольском обществе этого периода «мирно сосуществовали» два способа ведения хозяйства, логично утверждать, что в регулятивной системе, действовавшей у прародителей Чингисхана, наличествовали признаки регулятивных систем присваивающей и производящей экономики... *При этом нельзя отрицать некоторую формальную преемственность самих норм этих двух регулятивных систем*⁵⁶.

В справедливости приведенных выше суждений ученого-монголоведа Л. Л. Викторовой и ученого-правоведа А. Б. Венгерова мы убедимся, продолжив анализ сообщений монгольского летописца.

В них как раз и были засвидетельствованы «явления, сопутствовавшие перестройке общественной организации у народов, генетически связанных с монголами»: *зафиксирована смена тотемов, а затем и вовсе замена старого представления о тотемистическом происхождении родоначальника монголов на понятие о его небесном происхождении, описаны древнемонгольские патрилинейные роды и община*.

Так, в «Легенде о Бортэ-Чино, рожденном по благоволению Всевышнего Тэнгри» из «Сокровенного сказания монголов» родоначальник монголов и его жена отождествлялись с божествами-тотемами и были названы их именами – Бортэ-Чино и Гоа-Марал, что в переводе с монгольского значит Серый Волк и Прекрасная Олениха. Эти священные животные были объектами религиозного почитания (тотемами) древних монголов, считались их покровителями. Причем первым тотемом и прародительницей древних монголов считается Гоа-Марал (Прекрасная Олениха), подтверждением чему являются произведения «звериного стиля» в искусстве древних монголов – *оленные камни*⁵⁷.

Для дальнейших стадий религиозного развития характерно отождествление родоначальника с божеством-тотемом. Пример тому – «Легенда о Бортэ-Чино...», включенная в «Сокровенное сказание монголов»; в этой легенде родоначальник монголов был назван именем их тотемного кумира Бортэ-Чино (Серый Волк).

Однако объявление родоначальником монголов только одного из них – *«почтенного эмира по имени Буртэ-чинэ* (Бортэ-Чино. – А. М.), *главы и вождя некоторых племен*

⁵⁴ Экзогамия (от «экзо-» и греч. gamos – «брак») – запрет брачных отношений между членами родственного (род, фра-трия), реже – локального (община) коллектива в эпоху первобытнообщинного строя (сохранялась и в более позднее время) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/bse/3K3oraMHH>.

⁵⁵ Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. С. 111–113.

⁵⁶ Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2013. С. 70.

⁵⁷ Дулам С. Образы монгольской мифологии (на монг. яз.). Улан-Батор, 2009. С. 43–47.

(выделено мной. – А. М.)»⁵⁸, является убедительным подтверждением вывода Л. Л. Викторовой о том, что в период становления производящей экономики *«род и община становятся постепенно патрилинейными, а на смену тотемическому материнскому роду приходит генеалогический отцовский род* (выделено мной. – А. М.)»⁵⁹.

В рассматриваемой нами легенде также сказано, что Бортэ-Чино был рожден *«по волеанию Всевышнего Тэнгри»*. Это свидетельствовало о том, что на определенном этапе развития древнемонгольского родоплеменного общества старое представление о тотемистическом происхождении родоначальника монголов, характерное для регулятивной системы присваивающего способа хозяйствования, уже было недостаточным, и его дополнили *понятием о небесном происхождении родоначальника монголов*⁶⁰.

Современные ученые-правоведы считают, что подобные изменения были обусловлены становлением производящей экономики, повлиявшим в том числе на идеологию, а также связанную с ней регулятивную систему. *Так, для новой идеологии становится характерным изменение культов... то есть изменяется мифологическое сознание*⁶¹.

На смену мифологическому сознанию человека присваивающей экономики приходит мифологическое сознание человека раннеклассового общества, оперирующего иной системой мифов и легенд.

В основание этой системы была положена «Легенда об Алан-гоа», которая, будучи использована автором «Сокровенного сказания монголов», логически продолжала «Легенду о Бортэ-Чино» и была призвана окончательно и безоговорочно обосновать с позиций верований древних монголов – тэнгрианства – «небесное избранничество» прародителей Чингисхана: во-первых, подтвердить небесное происхождение «главы и вождя некоторых племен» монголов Бортэ-Чино и, во-вторых, объявить о «небесном мандате» на ханскую власть рода хиад-боржигин, из которого вел происхождение Чингисхан.

В этой легенде, зафиксировавшей следующий важный этап эволюции мировоззрения такой социальной группы, как древнемонгольский род, рассказывается о том, что потомок Бортэ-Чино в двенадцатом поколении, главенствовавший над коренными монгольскими родами – «старой ветвью» Киянова рода, дарлигин-монголами — Добун-Мэргэн, умер рано, оставив свою жену Алан-гоа (род. ок. 930–940 гг. н. э.) с двумя сыновьями-сиротами. Но после смерти мужа Алан-гоа родила еще троих сыновей. Возникшие сомнения и подозрения со стороны их общих с Добун-Мэргэном сыновей и ее сородичей Алан-гоа попыталась развеять рассказом о небесном происхождении трех последних детей: *«Бэл-гундэй, Бугундэй, сыны мои! У вас явились подозренья, как это ваша мать троих вам братьев народила и чьими будут эти сыновья. В своих сомнениях сыновья вы правы. Но вам неведомо одно лишь только. И истинно вам это говорю: к нам в юрту каждой ночью чрез верхнее орхо Всевышний Тэнгри нисходил*⁶², *вокруг сиянье исторгая. Он гладил чрево грешное мое, сияние его в меня входило. Когда ж Луна должна сойтись и разминуться с Солнцем, он, словно желтый пес, виляющий*

⁵⁸ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 9.

⁵⁹ Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. С. 112.

⁶⁰ Понятие о небесном происхождении ханской власти было широко известно среди кочевых народов (хунну, сяньби, жуэнь, тюрки, кидане), обитавших на территории современной Монголии. Оно основывалось на фундаментальной концепции традиционной народной религии древних обитателей Монголии – шаманизма – культе Всевышнего Тэнгри, или тэнгрианстве (тэнгрианство – от общего тюрко-монгольского слова «тенгери»; по-тюркски – Tanrı, по-монгольски – Tngri, современное монгольское произношение – тэнгэр; на русский можно перевести как «небо»).

⁶¹ Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2013. С. 66–67.

⁶² Как писал Дорджи Банзаров, «эти предания, имеющие целью возвысить в глазах народа известные владетельные роды, доказывают также заботливость Неба (Всевышнего Тэнгри. – А. М.) о счастье народа, ибо такие его посланники обыкновенно являются укротителями крамол, устроителями сильных царств после раздробления и упадка сил кочующих народов» (Банзаров Д. Черная вера, или Шаманство у монголов. СПб.: Типография императорской АН, 1891. С. 9); *орхо* — фартук, прикрывающий тоно, дымовое отверстие в крыше монгольской юрты.

хвостом, поспешно уходил; и яркий свет за ним струился. Ужели нужно что-то молвить боле. Ведь ваши братья – Небесного Владыки сыновья.

*Негоже вам, сыны мои,
Уподоблять их черновласой черни.
Когда владыками над всеми
Взойти им время подойдет,
Великий смысл рожденья сыновей моих
Откроется простолюдинам»^{63, 64}*

Обращает на себя внимание следующая фраза Алан-гоа: *«Когда ж Луна должна сойтись и разминуться с Солнцем, он, словно желтый пес, виляющий хвостом, поспешно уходил...»* Поскольку у монголов табуировано слово «волк» и последний зовется «хангайской собакой», «степной собакой», а в некоторых местах «желтой собакой», можно предположить, что «желтый пес» в устах Алан-гоа – это уважительное именование прародителя монголов – Бортэ-Чино, рожденного по благоволению Всевышнего Тэнгри. А это, естественно, дало основание Алан-гоа говорить, что родившиеся уже после смерти мужа три сына – «Небесного Владыки сыновья».

Глубокие религиозно-мифологические корни этой легенды были понятны древним монголам, сородичам Алан-гоа. Древние монголы (хунну, сяньби, жуэнь, кидане) и тюрки почитали Вечное Синее Небо как верховное божество – Всевышнего Тэнгри или Небесного Владыку, дарующего жизнь, одушевляющего все живое, обычно вместе с Матерью-Землей управляющего миром и руководящего делами человека, иногда посылающего на землю своего избранника, которому суждено быть вершителем великих дел; такой посланец входит в бытие сверхъестественным образом, примером чему и является предание о рождении трех сыновей Алан-гоа.

Все это помогло Алан-гоа убедить старших сыновей и сородичей в своей непорочности, а также подтвердить право своих младших сыновей, а значит и их потомков, на главенствующее положение среди коренных монгольских родов и племен⁶⁵.

«Легенда об Алан-гоа» возродила славную память о Кияне и его потомках, начиная с Бортэ-Чино, и главное, провозгласила «небесное избранничество» «золотого рода» Чингисхана – хиад-боржигин, прямого наследника рода Киянова. А для этого устами Алан-гоа фактически было провозглашено появление «новой ветви» Киянова рода – нирун-монголов, «сынов Всевышнего Тэнгри», которым суждено стать «владыками над всеми», в том числе и над дарлигин-монголами, «старой ветвью» Киянова рода.

Это владычество было засвидетельствовано Рашидом ад-Дином в его классификации монгольских родов, прояснявшей смысл и последствия разделения коренных монголов на две части: нирун-монголов и дарлигин-монголов: «...Все многочисленные ветви и племена, которые произошли от этих сыновей (Алан-гоа – Бугу-Хатаги, Бугуту Салжи и Бодончар-мунхага. – А. М.), называют нирун, что значит: они появились из непорочных чресел; это [название] является намеком на чистые чресла и чрево Алан-гоа. Эти племена пользуются полнейшим уважением и [выделяются] из среды других племен, словно крупная жемчужина из раковины и плод [лучший] от дерева.

⁶³ Здесь и далее перевод стихов Г. Б. Ярославцева.

⁶⁴ Сокровенное сказание монголов // Ордынский период. Голоса времени. М.: АСТ, 2016. С. 8.

⁶⁵ Дулам С. Главная книга монголов // Чингисхана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 26.

Все те из монгольских племен, которые не принадлежат к [племенам] пирун, называют дарлекин (дальние родственники. – А. М.)⁶⁶... Они суть колена и племена, родившиеся от остатков монгольского племени Нукуза и Хиана, которые ушли из Эргунэ-кун. Они были прежде времени Добун-Мэргэна и Алан-гоа...

Они [дарлекины] являются рабами (вассалами. – А. М.) и потомками рабов (вассалов. – А. М.) предков Чингисхана»⁶⁷.

Заметим, что в предложенных автором «Сокровенного сказания монголов» и Рашидом ад-Дином в «Сборнике летописей» классификациях родства⁶⁸ был фактически узаконен переход властных полномочий над коренными монгольскими племенами от дарлекинов к нирунам и, в частности, к одному из трех «сыновей Небесного Владыки», Бодончару, которому было суждено стать родоначальником рода хиад-боржигинов, «золотого рода» Чингисхана и «предводителем и государем многих из монгольских племен»⁶⁹.

По свидетельству наших источников, в X–XI вв. ближайшие потомки Бодончара – боржигины Хабичи-батор, Мэнэн тудун, Хачи хулуг и Хайду – неизменно главенствовали в созданном их легендарным потомком Монгольском улусе, союзе нирун-монгольских племен; а первым из предков Чингисхана, который удостоился титула хана родоплеменного союза Монгольский улус, был Хайду (родился ок. 1035 г. – А. М.).

«Всевышняя истина (Всевышний Тэнгри. – А. М.), – пишет Рашид ад-Дин, – даровала шестому предку Чингисхана, Хайду, счастье и благоденствие и пожаловала [ему] помощь [своего] подкрепления и попечения⁷⁰ до того, что у него появилось несчетное количество жен, подчиненных, отар и табунов»⁷¹.

Таким образом, Рашид ад-Дин засвидетельствовал характерные для производящей экономики «возникновение и присвоение прибавочного продукта (“несчетное количество отар и табунов”. – А. М.), социальную дифференциацию общества (“несчетное количество подчиненных” – А. М.)⁷², а также унаследованную от древних предков полигамию (“несчетное количество жен”)

Монгольский улус существовал и развивался при потомках Хайду-хана – сыне Бай шинхор догшине (родился ок. 1052 г. – А. М.) и внуке Тумбиной сэцэне (родился ок. 1069 г. – А. М.).

Если до второй половины XI в. «значение монголов и их правящего рода боржигин не выходит за границы занимаемых этими племенами земель: все события, описываемые “Сокровенным сказанием монголов”, касаются лишь вопросов внутренней консолидации, то к концу XI в. положение стабилизировалось настолько, что монгольский вождь решился непосредственно завязать отношения с киданьской империей Ляо (916-1125 гг.)⁷³. В этот период мон-

⁶⁶ «[Это были племена]: нукуз, урианхай, хонгирад, ихирэс, олхунуд, хорилар, элжигэн, хунхулиуд, ортауд, хонхотан, арулад, хэлэнгуд, хунжсин, ушин, су лбу с, илдурхин, баягуд и хингид» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 78).

⁶⁷ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 15.

⁶⁸ На примере предложенных автором «Сокровенного сказания монголов» и Рашид ад-Дином в «Сборнике летописей» классификаций проявляется важнейшая роль генеалогических преданий, именуемых сейчас учеными-правоведами «классификационным родством», как формы выражения социальных норм регулятивной системы древнемонгольского родоплеменного общества в период присваивающей экономики, но особенно в период производящей экономики.

⁶⁹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 16.

⁷⁰ Это выразилось в том, что Хайду, еще будучи ребенком, был спасен своим дядей во время резни, устроенной одной из групп племени джалаирав, которые убили его мать и всех семерых братьев (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 21).

⁷¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 18–19.

⁷² Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2013. С. 71.

⁷³ Современные исследователи утверждают, что до конца 80-х гг. XI в. Монгольский улус существовал независимо от киданьской империи Ляо (Дашням И. История государства и права Монголии (209 г. до н. э. – середина XIII в.). Т. 1. Улан-Батор, 2005. С. 126).

голами правил Тумбиной сэцэн, которому принадлежала инициатива установления политических и культурных связей с киданьской империей Ляо»⁷⁴. Об этом свидетельствует упоминание в «Истории железной империи» («Дайляо гуруни судури») о посольстве (к киданям. – А. М.) из Монгольского улуса в 1084 г., а также о военной помощи, оказанной киданям, когда те подверглись нападению со стороны южных соседей – чжурчжэней и южных сунов⁷⁵.

Все эти факты дали основание монгольскому ученому Ч. Далаю сделать вывод о том, что «в начале XII века, во времена Бай шинхора и Тумбиня уже сложившийся союз монголов Трехречья (Монгольский улус. – А. М.) приобрел *заметные черты государственности* (выделено мной. – А. М.)»⁷⁶.

Б. Я. Владимирцов, основываясь на монгольских и персидских источниках, реконструировал процессы, которые происходили в хозяйственной и общественной жизни монголов именно этого периода их истории и пришел к несколько другим выводам.

«По его мнению, на данном этапе эволюции древнемонгольского родоплеменного общества среди монгольских племен, как и почти две тысячи лет назад, по образу жизни и ведения хозяйства различались *лесные народы*⁷⁷ и *монголы-кочевники*.

Лесные народы занимались главным образом охотой, но не гнушались и рыболовства. Частично, конечно, начали подвергаться влиянию своих кочевых соседей, и хозяйственный уклад их стал меняться: замечается эволюция в сторону кочевого быта, постепенный к нему переход⁷⁸.

Главным занятием монголов-кочевников были скотоводство и охота; это были кочевники-пастухи и охотники одновременно, но все-таки основой их экономической жизни было скотоводство.

Но одним кочевым скотоводческим хозяйством монголы XI–XII вв. прожить не могли: пищи не доставало. Недостаток этот пополнялся охотой на всякого рода дичь и отчасти рыбной ловлей; в затруднительных случаях питались и кореньями... Все вышесказанное позволяет видеть в монголе древней эпохи не просто кочевника, а *кочевника-охотника*...»⁷⁹

Характеризуя социальную организацию древнемонгольского общества рассматриваемого нами периода, Б. Я. Владимирцов писал: «*Основным элементом древнего монгольского общества (XI–XII вв.) был род, то есть "своеобразный союз кровных родственников"*»⁸⁰. По его мнению, процесс ликвидации древних форм их родовой общины если и шел, то происходил неравномерно, сохранялись старые общинные традиции⁸¹; в их хозяйственной деятельности

⁷⁴ Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980. С. 166–167.

⁷⁵ Чжурчжэни – племена, населявшие в X–XV вв. территорию Маньчжурии, Центрального и Северо-Восточного Китая (в том числе на территории нынешнего автономного района Внутренняя Монголия), Северной Кореи и Приморского края. Чжурчжэни – народность, говорившая на языке, близком к маньчжурскому; первоначально чжурчжэни находились под властью киданей (династия Ляо), но в начале XII в. они восстали и, нанеся киданям поражение, не без помощи войск китайской династии Сун (960–1279 гг.) захватили власть в Северном Китае и провозгласили образование державы Алтан-ханов – империи Цзинь (1115–1234 гг.). После вытеснения киданями китайской династии Сун на юг, за реку Янцзы, и безуспешных попыток последней вернуть себе потерянные земли (1004 г.) ее стали называть династией Южных Сунов.

⁷⁶ Далай Ч. Улус Хамаг Монгол (1101–1206 гг.) (на монг. яз.). Улан-Батор, 1996. С. 38–41.

⁷⁷ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 121–125.

⁷⁸ Об этом свидетельствовала рассказанная нами ранее история отца Алан-гоа, Хорилардай-Мэргэна и его людей, прежде занимавшихся охотой на соболя и белку и перекочевавших к горе Бурхан халдун и ставших, по выражению Б. Я. Владимирцова, кочевниками-охотниками (Сокровенное сказание монголов // Чингисиана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 51).

⁷⁹ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 329–331, 335, 336.

⁸⁰ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 341–354.

⁸¹ Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1980. С. 141; Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 341–354.

по-прежнему сосуществовали два способа ведения хозяйства (присваивающий и производящий), а значит, в регулятивной системе, действовавшей у них в этот период, наличествовали признаки регулятивных систем присваивающей и производящей экономики.

* * *

Переходя к рассмотрению структуры регулятивной системы эпохи прародителей Чингисхана (VIII–XII вв.), следует признать «Сокровенное сказание монголов» и «Сборник летописей» Рашида ад-Дина не только важнейшими источниками по истории древнемонгольского родоплеменного общества, но и главным хранилищем социальных норм регулятивной системы, сформировавшейся и действовавшей в этом обществе на протяжении четырех столетий.

Поэтому, цитируя древние мифы, предания и легенды, вошедшие в эти летописи монгольского и персидского авторов, мы хотим обратить внимание читателей не только на их историческое или художественное, но в первую очередь на социально-нормативное значение. Несомненно, в них нашли выражение *социальные нормы регулятивной системы родового общества ближайших предков Чингисхана*, которые «по содержанию обеспечивали социализацию жизни общин, кланов, групп, экологическое состояние и ряд других необходимых условий жизнедеятельности...»⁸².

В частности, нормы этой регулятивной системы были направлены на *закрепление за соответствующей группой, кланом той или иной территории, на которой она перемещалась* (выделено мной. – А. М.)⁸³. Однако если какая-либо другая, как правило, родственная группа в силу природных (или других. – А. М.) условий не могла пользоваться своей территорией... то ей предоставлялась возможность жить и на территории другой группы⁸⁴.

Так, в «Легенде о Бортэ-Чино, рожденном по благоволению Всевышнего Тэнгри» из «Сокровенного сказания монголов» закреплялся именно такой порядок удельного землепользования на примере действий отца Алан-гоа, Хорилардай-Мэргэна, который *«отошел от пределов хорь тумэдских по причине раздоров, вспыхнувших меж близживущих родов, кои желали отвоевать друг у друга уделы, обильные зверем – соболем и белкой. Хорилардай-Мэргэн и люди его обособились, и прозвались они племенем Хорилар по имени ноёна своего. Прознав, что в окрестностях Бурхан халду на зверя в изобилии, хорилары перекочевали в удел Шинчи баяна урианхайского, который поставил на горе Бурхан халдун кумира для поклонения духам-хранителям той горы»*⁸⁵.

Социальные нормы древних монголов регулировали *добычу и формы дележа пищи*. Этот один из первых признаков социализации⁸⁶ древнемонгольского общества засвидетельствовал неизвестный автор «Сокровенного сказания монголов», который писал: *«По прошествии времени как-то раз Добун-Мэргэн взошел на сопку Тогоцог поохотиться; в лесу он наехал на одного урианхайца, убившего оленя-трехлетку и теперь поджаривавшего его ребрышки. Приступив к нему, Добун-Мэргэн сказал: “Истинно говорю тебе: спознаешь друга, когда с тобою он поделится добычей”*.

*Охотник-урианхаец отсек голову оленя и вместе с сердцем и легкими взял себе, а остальное мясо отдал Добун-Мэргэну*⁸⁷.

⁸² Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2013. С. 64.

⁸³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. М.: НИЦ «Ладомир», 2002.

⁸⁴ Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2013. С. 63.

⁸⁵ Сокровенное сказание монголов // Чингисхана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 51.

⁸⁶ Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2013. С. 64.

⁸⁷ По древней традиции монголов, охотник не отдавал другим голову, сердце и легкие убитого им животного, дабы в

Когда, нагрузив на коня тушу оленя, Добун-Мэргэн возвращался домой, по дороге он наехал на изможденного, оборванного человека, ведущего за руку отрока.

“Какого рода-племени ты будешь?” – спросил у него Добун-Мэргэн. На это бедняга отвечал: “Сам я из племени Малиг баягудай. Я голоден и выбился из сил. Прошу, дай мяса мне для пропитанья. Тогда отдам тебе я в услуженье сына своего”.

Добун-Мэргэн согласился и отдал голодному бедняге ляжку оленя, а сына его увел с собою. С тех пор отрок прислуживал ему»⁸⁸.

Автор «Сокровенного сказания монголов» засвидетельствовал не только сложившиеся социальные формы добычи и дележа пищи, но и имущественное неравенство и зарождение крепостных вассальных отношений в период распада родового общества кочевников-монголов.

Еще одной важной сферой действия социально-регулятивной системы этого периода были брачно-семейные отношения. Для воспроизводства конкретных групп и кланов необходимо было наличие в них определенного количества женщин, детей. Социальные нормы закрепляли способы приобретения женщин в других группах, в том числе их похищение⁸⁹. Описанные автором «Сокровенного сказания монголов» истории приобретения жен Добун-Мэргэном, Бодончаром и, наконец, Есухэй-баторм, отцом Чингисхана, являются наглядными тому примерами⁹⁰.

Как явствует из вышеизложенного, социальные нормы регулятивной системы родового общества ближайших предков Чингисхана содержались в древних мифах, преданиях и легендах, вошедших в летописи монгольского и персидского авторов. Это дает нам все основания говорить о наличии у древних монголов **мифологической нормативной системы, являющейся одной из древнейших мощных форм социального регулирования**⁹¹.

Наряду с этой мифологической нормативной системой важную социально-нормативную и информационную роль в жизни ближайших предков Чингисхана играло упомянутое выше классификационное родство, «при котором конкретные люди включались в определенные группы (классы) родственных отношений. **От этих родственных отношений, которые в основе имели брачно-семейные нормы, зависели властные отношения (отношения подчинения одних групп, одних индивидов другим), распределительные отношения** (выделено мной. – А. М.)»⁹².

Именно о «классификационном родстве» писал древнемонгольский летописец, неизвестный автор «Сокровенного сказания монголов», сообщая «родопись» 24 (!) поколений прародителей Чингисхана, которая основывалась на ранее передававшихся в течение 400 лет (!) изустно и таким образом сохранившихся в памяти народной мифах, преданиях, легендах и «сказаниях умудренных опытом старцев», «освященных светом религиозных верований» древних монголов⁹³.

В «классификационном родстве», подробно описанном Рашидом ад-Дином, были засвидетельствованы изменения социальных норм, которые закрепили «власть и полномочия, перешедшие к нирун-монголам».

Персидский летописец также поведал нам о том, кто и как наставлял юных монголов в знании их родословия: **«У всех этих племен четкое и ясное родословное древо, ибо обычай монголов таков, что они хранят родословие своих предков и учат и наставляют в знании**

будущем его не покинула охотничья удача.

⁸⁸ Сокровенное сказание монголов // Чингисиана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 51–52.

⁸⁹ Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2013. С. 63–64.

⁹⁰ Сокровенное сказание монголов // Чингисиана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 51, 55, 58–59.

⁹¹ Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2013. С. 66.

⁹² Там же. С. 68.

⁹³ Сокровенное сказание монголов // Чингисиана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 50–60.

родословия каждого появившегося на свет ребенка... Каждому народившемуся дитяти отец и мать объясняют предания о роде и родословной, и они [монголы] всегда соблюдали такое правило (выделено мной. – А. М.)»⁹⁴.

Таким же образом монгольские дети обучались их родителями и социальным нормам родового общества. Например, мать Тэмуджина-Чингисхана, Оэлун, наказывая своих детей за неблагоприятные проступки, *«долго бранила-вразумляла сыновей своих, старопрежние притчи им сказывала, словами предков сокровенными поучала»*⁹⁵. И образцом для нее являлась увещательная в «Легенде об Алан-гоа» заповедь, с которой Алан-гоа обратилась к своим сыновьям⁹⁶. Таким образом регулятивная функция мифов (в нашем случае – легенды. – А. М.) реализовывалась на практике.

В заключительной части цитировавшейся нами «Легенды об Эргунэ-кун» мы обнаруживаем пример еще одной формы выражения социальных норм родового общества кочевников-монголов, которой является *самопроизвольно складывающиеся традиции и обычаи*.

Один из таких обычаев появился после выхода монгольских племен из Эргунэ-кун. «Вследствие этого, – писал Рашид ад-Дин, – люди не забывают о той горе, плавке железа и кузнечном деле, и у рода Чингисхана *существует обычай и правило* (выделено мной. – А. М.) в ту ночь, которая является началом нового года, готовить кузнечные мехи, горн и уголь; они раскаляют немного железа и, положив его на наковальню, бьют молотом и вытягивают в полосу в благодарность за свое освобождение»⁹⁷.

Здесь мы имеем дело с так называемым *обрядовым воспроизведением мифа* — еще одним способом, обеспечивавшим его регулятивную функцию.

Однако наши источники свидетельствуют о том, что в эпоху прародителей Чингисхана не только шли самоорганизационные процессы формирования традиций, обычаев, обрядов, но и проходило сознательное, творческое создание социальных норм. «В доклассовом обществе были дополитические, властные (потестарные) органы (в нашем случае – *хуралтаи* монгольской родоплеменной знати. – А. М.), которые тоже вырабатывали нормы. По объекту регулирования эти нормы можно условно разделить на земельные, имущественные и уголовные, а по субъектам — на нормы родственных отношений, бранно-семейные, групповые, межгрупповые. Были в этом обществе и своеобразные “процессуальные” нормы. Так, нарушение разбирал и наказание назначал сам коллектив, причем не только в лице старейшин и вождей, но и ближайшими родственниками виновного или пострадавшего»⁹⁸.

Сказанное выше о «процессуальных» нормах прекрасно иллюстрирует фрагмент из «Сборника летописей» Рашида ад-Дина, повествующий о незавидной судьбе племени джалаириров, которые, спасаясь от китайцев, «[в числе] семидесяти кибиток снялись и, бежав, откочевали с женами и детьми и дошли до пределов стойбища Мунулун, жены Дутум-Мэнэна (в «Сокровенном сказании монголов» – Мэнэн тудун, седьмой предок Чингисхана. – А. М.). Так как их [джалаириров] одолел голод, то они выкапывали корни растения, называемого судусун и считающегося в этой области съедобным, и ели [его]. Вследствие этого они изрыли ту местность, на которой сыновья Мунулун выезжали коней, и понаделали там множество ямок.

Мунулун сказала: “Зачем вы изрываете [степь] и портите ристалище моих сыновей?!!”

А они за это схватили Мунулун и убили [ее]. Так как каждый из ее сыновей породнился [путем женитьбы] с каким-нибудь племенем и родичей у них стало много, то [джалаиры] испу-

⁹⁴ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 13, 29.

⁹⁵ Сокровенное сказание монголов // Чингисиана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 69.

⁹⁶ Сокровенное сказание монголов // Чингисиана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 52–53.

⁹⁷ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 154–155.

⁹⁸ Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2013. С. 68–69.

гались, что не смогут быть в безопасности от них. Они преградили им пути и убили восемь человек из них...

Когда группа тех джалаириров совершила этот поступок, другие уцелевшие племена джалаири *привлекли этих семьдесят человек к ответственности, спросили [их]: “С какими родичами вы посоветовались, что совершили столь дерзкий поступок?” И в возмездие и наказание [за него] перебили их всех* (выделено мной. – А. М.)⁹⁹.

В этом фрагменте Рашид ад-Дин засвидетельствовал не только нарушение джалаирирами запрета, установленного тогдашним вождем Монгольского улуса Дутум-Мэнэном (Мэнэн тудун) и регулировавшего земельные отношения, но и использование впоследствии самими джалаирирами упомянутой выше «процессуальной» нормы «в возмездие и наказание» виновных сородичей.

Этот же фрагмент иллюстрирует формальную характеристику, которую дают современные правоведы *«правилам (нормам) поведения в доклассовом, до-государственном обществе, которые не могут быть отнесены ни к категории правовых, ни к категории моральных норм* (здесь и далее выделено мной. – А. М.).

По выражению известного историка первобытности и этнографа А. И. Першица, это *мононормы* — единые, еще не расчлененные специфические нормы первобытного общества. Они отличаются от права, которое как иное состояние регулятивной системы появляется лишь на следующем этапе развития общества, в его классовой, государственной организационной форме. Отличаются они и от морали. В частности, их исполнение обеспечивается не только общественным порицанием, что характерно для морали, но и наказанием на основе твердо фиксированных санкций¹⁰⁰.

В процитированном выше фрагменте из «Сборника летописей» упомянут *один из основных способов регулирования различных отношений, складывавшихся в родоплеменных объединениях кочевников-монголов, — запрет*.

Запреты существовали главным образом в виде *табу*, то есть подкрепленной религиозными верованиями недопустимости определенного поведения... Запрещались убийство, воровство, систематическая ложь, соблазнение чужих жен, кровосмешение¹⁰¹.

В связи с *запретом инцестов (кровнородственных браков)* упоминавшийся нами ранее вождь коренных монгольских племен дарлекин Добун-Мэргэн сосватал себе в жены Алан-гоа, дочь хорь тумэдского ноёна Хори-лардай-Мэргэна, перекочевавшего в горы Бурхан халдун, а впоследствии предводителя улуса «Хамаг Монгол» — Амбагай-хан и Есухэй-батор вынуждены были сватать невест для своих детей в не родственных им племенах — соответственно, у татар и хонгирадов¹⁰².

Многие запреты у монголов подкреплялись религиозными верованиями, находились в неразрывной связи с их многовековыми национальными обычаями и традициями, мировоззрением, особенностями жизнедеятельности, быта¹⁰³.

Персидский летописец, сообщая о таком запрете, как скотоложество, писал: *«...Люди чуждались каждого, кто скотоложествовал с козами»*¹⁰⁴.

Дозволения (или разрешения) также регулировали взаимоотношения и поведение людей родоплеменных обществ кочевников-монголов. Выше, рассказывая о Хайду-хане, мы упоминали о действии этого способа регулирования в брачно-семейных отношениях монголов — о

⁹⁹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 19.

¹⁰⁰ Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2013. С. 70.

¹⁰¹ Там же. С. 65.

¹⁰² Сокровенное сказание монголов // Чингисхана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 51, 57, 61.

¹⁰³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 156–157.

¹⁰⁴ Там же. Т. 1, кн. 2. С. 179.

разрешении полигамии. Многочисленные примеры, взятые из наших источников, свидетельствуют о том, что древним монголам разрешалось *«взыскать кровь сородича»*, участвуя во мщении за вред, причиненный члену его рода-племени¹⁰⁵.

Еще одним способом регулирования отношений в родовых сообществах монголов было *позитивное связывание или обязывание, обеспечивающее строгое соблюдение установленных правил, обычаев и традиций в различных областях жизнедеятельности*.

Данный способ регулирования имеет отношение к организации и проведению древними монголами *ловитвы*, или облавной охоты, которой, по словам Джувейни, *«надлежало обучаться и упражняться [дабы знать], когда охотники доспеют дичь, как вести охоту, как строиться и как окружать дичь, по числу людей глядя»*¹⁰⁶.

Позитивное обязывание регулировало и межплеменные отношения, в частности между монгольскими племенами, относящимися к нирунам и дарлекинам. Являвшиеся *«рабами и потомками рабов предков Чингисхана»*, племена дарлекин были обязаны *«твердо держать обычай утэгу-богольства (исконного вассальства. – А. М.)»*: быть покорными нурун-монголам, *«оказывать (им. – А. М.) похвальные услуги и [тем самым] утвердить свои права на их благодарность»*¹⁰⁷.

Как говорилось выше, исполнение мононорм регулятивной системы эпохи прародителей Чингисхана гарантировалось *не только характерным для морали общественным порицанием, но и наказанием на основе утвержденных санкций*.

Санкции, применявшиеся к нарушителям этих социальных норм, имели свою структуру. *Общественное порицание, изгнание из общины, нанесение телесного повреждения, смертная казнь* — вот наиболее типичные их формы¹⁰⁸.

О некоторых из них (смертной казни) мы уже рассказывали, повествуя о нарушившем социальные нормы племени джалаириров, а вот в отношении пленных, захваченных в ходе междоусобиц, как утверждает Рашид ад-Дин, *«обычая их быстро убивать в те дни не существовало, так как, возможно, что-нибудь за них возьмут и тогда их освободят...»*¹⁰⁹

По поводу такой санкции, как изгнание из общины (рода), нам поведал неизвестный автор «Сокровенного сказания монголов»: *«Первая жена Бодончара родила от него сына Хабичи по прозвищу Толстоногий. У матери Хабичи-батара была служанка. Бодончар сделал ее своей наложницей. И родила она от него сына, которому дали имя Жэгурэдэй. Пока Бодончар был жив, Жэгурэдэй участвовал среди прочих в родовых жертвоприношениях. После смерти Бодончара сына одного Жэгурэдэя обвинили в том, что мать прижила его от одного из мужей рода Аданхан урианхадай, и прогнали»*¹¹⁰.

Этот эпизод из родописы «золотого рода» Чингисхана связан с родовым культом древних монголов: в жертвоприношениях участвовали только члены данного рода; недопущение же к участию в жертвоприношениях было равносильно изгнанию из рода, родового сообщества¹¹¹.

* * *

Анализируя с помощью «Сокровенного сказания монголов» и «Сборника летописей» Рашида ад-Дина элементы структуры сформировавшейся и действовавшей на протяжении

¹⁰⁵ Там же. Т. 1, кн. 1. С. 104, 129; кн. 2, С. 25, 41–43.

¹⁰⁶ Джувейни А.-М. История завоевателя мира // Чингисхана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 465.

¹⁰⁷ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 15.

¹⁰⁸ Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2013. С. 69.

¹⁰⁹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 114–115.

¹¹⁰ Сокровенное сказание монголов // Чингисхана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 56.

¹¹¹ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 347.

четырёх столетий (VIII–XII вв.) социально-регулятивной системы родоплеменного общества монголов-кочевников, мы засвидетельствовали и ее эволюцию.

Появление в ней новых качеств было обусловлено историческим развитием средневекового общества монгольских кочевников-охотников, которое характеризовалось *постепенным переходом к новым формам организации хозяйственной деятельности (от куренной к аильной форме кочевания) и социальной жизни (от родового строя и сопутствовавших ему союзов кровных родственников к новым организационным формам жизни общества: родоплеменным объединениям во главе с ханами, провозглашенными «небесными избранныками»)*.

Говоря о новой форме организации хозяйственной деятельности, Б. Я. Владимирцов пояснял: «В то время как средние по своему состоянию и бедняки кочуют обществами (курениями. – **А. М.**), богачи стремятся и вынуждены кочевать отдельно, *аилом*. Но кочевать аилом, то есть небольшой изолированной группой с большим количеством скота, возможно только при условии общей безопасности... Приходилось искать выходы: разбивали большие курени на малые, сами владельцы жили и кочевали курениями, а стада свои, главным образом табуны, держали аилами. Соединение куренного хозяйства с аильным представлялось, по-видимому, монголу XI–XII вв. самым идеальным»¹¹².

«Новая организация производственной деятельности (ее усложнение, появление новых управленческих функций), возникающая на этой основе новая социальная дифференциация общества, становление раннеклассовой структуры... новые формы собственности, а также возникновение и присвоение прибавочного продукта вели к появлению *новых качеств регулятивной системы*»¹¹³, действовавшей в эпоху прародителей Чингисхана.

Выводы ученого-правоведа А. Б. Венгерова, вполне применимые в отношении эволюционных процессов, происходивших в родовом строе древнего монгольского общества в XI–XII вв., конкретизировал Б. Я. Владимирцов: «Процесс разложения древнемонгольского союза кровных родственников – рода, ответвления отдельных домов, образующих вместе с подчиненными и крепостными вассалами новые кланы сюзеренов и вассалов, основывался на стремлении упрочить индивидуалистическое кочевое хозяйство... Необходимость обезопасить свои кочевья от набегов, стремление к наживе путем наездов и необходимость организации облавных охот, в которых обязательно участие значительного числа лиц, – все эти нужды степной монгольской аристократии вели к племенным объединениям с ханами во главе... Она-то поэтому и выдвигает из своей среды ханов, и отсюда постоянная борьба племен между собою... Процесс этот неизбежно должен был завершиться объединением, более или менее значительным... что, как известно, и произошло»¹¹⁴.

Именно такое родоплеменное объединение «Хамаг Монгол улс» (существовал в 30-80-е гг. XII в.) возникло на месте прежнего союза кровных родственников – Монгольского улуса. Новый улус возглавил Хабул-хан (род. ориентировочно в 1101 г. и умер в 1148 г.), сын Тумбиной сэцэна¹¹⁵.

При Хабул-хане родоплеменное объединение «Хамаг Монгол улс» значительно расширилось и укрепилось. Его территория простиралась от Хангайского хребта, где сливаются реки Орхон и Тола, на западе и до побережья озер Буйр и Хулун на востоке. Ханская ставка находилась поблизости от горы Бурхан халдун.

Само название улуса говорит о том, что это было объединение большинства монгольских родов и племен. «Хамаг Монгол улс» состоял из 19 племен нирун-монголов и 18 племен

¹¹² Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 333.

¹¹³ Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2013. С. 70–71.

¹¹⁴ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 369; 378–379.

¹¹⁵ Сокровенное сказание монголов // Чингисхана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 57.

дарлигин-монголов... Среди племен нирун-монгол господствующее положение занимали три крупных племени – боржигин, тайчуд¹¹⁶ и жадаран¹¹⁷. Предводители этих трех племен по традиции, известной нам со времен государства Хунну, созывали Великий хуралтай¹¹⁸, на котором они выбирали хана улуса «Хамаг Монгол»... Именно на таком Великом хуралтае в 1130 г. предводителями трех главных племен нирун-монгол Хабул-хан был провозглашен ханом улуса «Хамаг Монгол». «С тех самых пор глава настоящего монгольского государства, величаво титулованный “ханом”, явственно присутствует в истории»¹¹⁹.

Отметим, что среди монголоведов существует и другая позиция по вопросу о политической системе монгольского общества XII – начала XIII в., отличная от позиции автора предыдущего высказывания, монгольского ученого Ч. Далай.

Многие современные ученые-монголоведы характеризуют улус «Хамаг Монгол», а также современные ему другие улусы (объединения, союзы) так называемых омонголившись народов XI – начала XIII в., например, татар¹²⁰, хэрэйд¹²¹, мэргэдов¹²² и найманов¹²³, как «прото-государства», «чифдомы», «вожества»¹²⁴ хотя бы потому, что «в улусах не имелось института, способного сохранять целостность образования и обладавшего средствами принуждения»¹²⁵. Последующие события, о которых повествуют древние источники, пожалуй, безоговорочно свидетельствуют о правоте последних суждений.

Как явствует из древних летописей, Хабул-хан не только прилагал усилия к объединению коренных монгольских племен, но и стремился положить конец вторжениям в Монголию армии чжурчжэньской империи Цзинь, от которой исходила главная внешняя угроза существованию улуса «Хамаг Монгол». В частности, когда в конце 1138 г., а также в 1140 и 1147 гг. значительные силы чжурчжэней вторгались на территорию улуса «Хамаг Монгол», они были разбиты монголами и вынуждены уйти восвояси.

Поражение войск Алтан-хана в 1147 г. стало сильным потрясением для чжурчжэней, и Алтан-хану пришлось отправить в Монголию начальника канцелярии крепости Бяньцзин Сяо Бошоно, приказав ему заключить с ханом улуса «Хамаг Монгол» мирный договор.

После смерти Хабул-хана (ок. 1147 г. – **А. М.**) по завещанию покойного на Великом хуралтае на престол улуса «Хамаг Монгол» был возведен его племянник Амбагай, который возглавлял в то время племя тайчутов, входившее в улус «Хамаг Монгол».

Мотивы решения Хабул-хана о передаче власти предводителю тайчутов доподлинно неизвестны. Существует мнение, что, заботясь о сохранении единства улуса «Хамаг Монгол», Хабул-хан считал, будто именно племя тайчутов, обладавшее в то время значительными люд-

¹¹⁶ Как явствует из «Сокровенного сказания монголов», прародителем тайчутов был сын Чарахай-Линху, Сэнгум билгэ, который в свою очередь приходился родным дядей Хабул-хану

¹¹⁷ Как писал Рашид ад-Дин, «это племя происходит от седьмого сына Тумэна-хана (Мэнэн Тудуна, внука Бодончара – **А. М.**) по имени Дурбаян; это племя также называют джаджирад». В отличие от Рашид ад-Дина, в «Сокровенном сказании монголов» родоначальником этого племени назван приемный сын Бодончара – Жажирадай. (Сокровенное сказание монголов // Чингисаана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 53–55).

¹¹⁸ Великий хуралтай – совет предводителей монгольских родов и племен; в эпоху Чингисхана и его преемников – высший консультативный орган власти при Великом хане.

¹¹⁹ Далай Ч. Хамаг Монгол улс (1101–1206 гг.)» (на монг. яз.). Улан-Батор, 1996. С. 39–41.

¹²⁰ Татары – самое могущественное племя из монголоязычных племен конца XII в.; татары издревле кочевали в районе озер Хулун и Буйр (нынешний Автономный район Внутренняя Монголия КНР).

¹²¹ Хэрэиды располагались юго-западнее улуса «Хамаг Монгол», по течению рек Орхон и Туул.

¹²² Мэргэды – племя, принадлежавшее к числу крупных монголоязычных племен, обитало в верховьях реки Селенги.

¹²³ Найманы кочевали на обширной территории: от гористой местности в районе Большого Алтая на западе до бассейна рек Орхон и Туул на востоке и до границ пустынь, прилегающих [на юго-западе] к землям уйгуров.

¹²⁴ Подробнее об этом: Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингисхана. М.: Восточная литература РАН, 2006. С. 107–112; Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, 2004. С. 42–48; Бира Ш. Некоторые проблемы истории и идеологии Великого Монгольского Улуса (на монг. яз.). Улан-Батор, 2006. С. 12–14.

¹²⁵ Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингисхана. М.: «Восточная литература» РАН, 2006. С. 106.

скими и военными ресурсами, сможет стать главной опорой и силой улуса «Хамаг Монгол» в противодействии внешней опасности¹²⁶.

Так или иначе, благодаря автору «Сокровенного сказания монголов» для нас стало ясно, что вместо *принципа единонаследия*, действовавшего в «Монгольском улусе»¹²⁷, в улусе «Хамаг Монгол», начиная с Хабул-хана, стал применяться *принцип престолонаследования по завещанию*¹²⁸.

При преемнике Хабул-хана – Амбагай-хане – чжурчжэни, поправ мирный договор, не раз вторгались на территорию улуса «Хамаг Монгол», что побуждало монголов отвечать тем же.

Кроме того, Амбагай-хан предпринял важные шаги по укреплению единства улуса и боеспособности его войска. Он даже попытался путем *«установления брачного союза»*, иначе говоря, *«породнения через брак»*, на протяжении многих столетий осуществлявшихся внутри самих кочевых монгольских и тюркских народов, восстановить нормальные отношения с татарами. Однако те остались верны себе и своему сюзерену, чжурчжэньскому Алтан-хану: *«Амбагай-хан выдал за татарина свою дочь и отправился провожать ее в пределы татарские. И был схвачен там Амбагай-хан татарами и выдан Алтан-хану хятанскому (чжурчжэньскому. – А. М.).*

И послал тогда Амбагай-хан гонца по имени Балахачи из племени Бэсүдэй и заповедал: "Пойди ты к Хутуле, среднему сыну Хабул-хана, приди к Хадан тайши, среднему сыну из десяти сынов моих, и передай им: впредь пусть будет именем моим заказано улуса Хамаг Монгол всем владыкам самим сопровождать их дочерей. Татарами я схвачен здесь.

*Так мстите ж за владыку своего,
Пока все ногти с пальцев не сорвете
И десять пальцев ваших
До конца не обессият!"»¹²⁹*

На Всемонгольском хуралтае в соответствии с *принципом престолонаследования по завещанию* был учтен предсмертный наказ Амбагай-хана, и ханом улуса «Хамаг Монгол» стал Хутула, сын Хабул-хана; он правил в 40-50-е гг. XII в.

В результате главенствовать в улусе вновь стали боржигины, потомки Хабул-хана. Очевидно, это было связано с ростом авторитета и влияния данного рода и самого Хутулы, а также с раздорами и борьбой за власть среди сыновей Амбагай-хана.

Автор «Сокровенного сказания монголов», рассказывая о тогдашнем противостоянии монголов и татар, с горечью констатирует, что хотя монголы во главе с Хутулой и пошли *«в пределы татарские, чтобы отомстить им, как было завещано Амбагай-ханом, и бились они с Хотон Барахом и с Жали бу ха татарскими все тринадцать раз, но так и не смогли отмщением отомстить, воздаянием воздать за хана Амбагая своего»*¹³⁰.

Очевидно, что в начале 60-х гг. XII в. монголы не только не смогли отомстить татарам, но и были сокрушены последними, которых «цзиньцы искусно использовали в своих целях, чтобы поскорее избавиться от бесконечных наездов начинавшего расти кочевого народа»¹³¹.

¹²⁶ Далай Ч. Улус Хамаг Монгол (1101–1206 гг.) (на монг. яз). Улан-Батор, 1996. С. 47–48.

¹²⁷ Согласно этому принципу единонаследия ханский престол, как правило, передавался от отца старшему сыну.

¹²⁸ Этот принцип престолонаследования по завещанию и порядок утверждения на Великом хуралтае кандидатуры хана впоследствии унаследовал Чингисхан.

¹²⁹ Сокровенное сказание монголов // Чингисиана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 57.

¹³⁰ Там же. С. 59.

¹³¹ Владимирцов Б. Я. Чингисхан // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 147.

Нанесенные монголам поражения не могли не сказаться на внутрисполитической ситуации в монгольском улусе «Хамаг Монгол», единстве родов и составлявших его племен. Тем не менее древние источники свидетельствуют о том, что после смерти тогдашнего предводителя улуса «Хамаг Монгол» боржигина Хутула-хана (причина и год смерти неизвестны) и гибели главнокомандующего монгольских войск Хадан-тайши единство племен, входивших в состав улуса «Хамаг Монгол», в первую очередь боржигинов и тайчуудов, на какое-то время все же удалось сохранить. И главная заслуга в этом принадлежит отцу Чингисхана, Есухэй-батору.

* * *

Есухэй родился¹³² и рос в период пика могущества улуса «Хамаг Монгол». Он воспитывался и мужал в среде родовой знати, постоянно общаясь с Хутулой-ханом и другими могущественными вождями монгольских родов; многому у них научился.

В пору мужской зрелости Есухэй стал отличаться и в облавных охотах, и в военных походах. Древние источники свидетельствуют о том, что во время боевого противостояния Хутулы-хана с чжурчжэньским Алтай-ханом и татарами Есухэй участвовал в этих сражениях во главе своего племени, прославился доблестью и победами. Именно благодаря своему героизму он удостоился почетного титула *батор*, и его стали величать Есухэй-батор (Богатырь Есухэй).

После смерти Хутулы-хана, в период наступившего безвластия Есухэй-батору, будущему отцу Чингисхана, было суждено продолжить дело своих высокородных предков и встать во главе улуса «Хамаг Монгол».

Его верховенство в улусе «Хамаг Монгол» подтверждает и известие древнего источника о неоднократной военной помощи Есухэй-батара вождю хэрэйдов Торил-хану (Ван-хану или Он-хану)¹³³.

Примечательно, что тот же источник свидетельствовал о том, что предшественник Есухэй-батара, Хутула-хан, не одобряя «взаимную дружбу» Есухэй-батара и Торил-хана, говорил: *«Дружба с ним – не доброе дело... этот человек убил своих братьев и кровью их запачкал знамя чести»*¹³⁴.

Сведения из «Сборника летописей» Рашида ад-Дина о предосудительном поступке (брастоубийстве) Ван-хана могут служить примером *начала процесса «расщепления» мононорм прежней регулятивной системы*¹³⁵; в данном случае косвенно указывается, *во-первых, на то, что у монголов убийство запрещалось, и, во-вторых, на аморальность поступка, совершенного предводителем хэрэйдов Ван-ханом.*

Тем не менее *«Есухэй-батор не согласился [с этим] и стал с ним (Торил-ханом. – А. М.) другом и побратимом»*¹³⁶. Основываясь на этом и других свидетельствах древних источников, французский востоковед Р. Груссе писал: «Итак, решительное вмешательство Есухэй Храброго восстановило Торил-хана на хэрэйдском престоле. В Черном лесу, на (реке) Толе, они присягнули друг другу в вечной дружбе.

¹³² Монгольские исследователи называют различные даты рождения Есухэй-батара: Х. Пэрлээ – 1118 г., И. Цодол – 1138 г., Л. Дашням – 1134 г.

¹³³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 127.

¹³⁴ Там же. С. 130.

¹³⁵ Мононормы присваивающих (доклассовых. – А. М.) обществ под воздействием социально-экономических и политических условий классового общества перерастают в нормы права и морали производящих обществ путем как «расщепления» на эти нормы, так и появления новых норм, обусловленных организацией земледелия, скотоводства и ремесла» (Венгеров А. Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2013. С. 71).

¹³⁶ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 130.

“В память об оказанной мне тобой услуге, – заявил Торил-хан, – моя вечная признательность распространится на твоих детей и на детей твоих детей. Клянусь горним Небом (Всевышним Тэнгри. – А. М.) и Землей!”

Таковы слова, сделавшие Торил-хана и Есухэя братьями по клятве, побратимами; слова, которые впоследствии обеспечили сыну второго покровительство первого. И весь начальный период правления Чингисхана, вплоть до 1203 г., прошел под знаком “клятвы, принесенной в Черном лесу”. [Таким образом], Есухэй (об этом слишком часто забывают) заложил основы всей Чингисовой политики, обеспечив союз своего рода с хэрэйдами, без которого, как мы убедимся ниже, блестящая карьера Чингисхана была бы невозможной»¹³⁷.

Древние источники удостоили заслуженного внимания одну из жен Есухэй-батара¹³⁸, мать Тэмуджина (Чингисхана) Огэлун.

В этой связи, прежде всего, отметим, что монгольские роды договаривались о взаимном обмене невестами (родовой строй требовал экзогамии: мужчины одного рода должны были жениться на девушках другого рода, не находившегося с ним в близком родстве). *Подобный договор являлся образцом регулятивных начал, формировавшихся в ходе самоорганизации догосударственного общества древних монголов*, и определил правила организации семейно-брачных отношений между монгольскими родами и племенами на многие столетия вперед.

Однако в смутные времена войн и набегов, дабы не подвергать себя риску дальних поездок за невестами, монголы не брезговали и их умыканием¹³⁹, в первую очередь из племен, с которыми они враждовали, как это сделал с помощью братьев Есухэй-батор.

Но Есухэй-батор, умыкнув Огэлун, не только приобрел любимую жену, но и нажил себе и своему роду заклятых, непримиримых врагов в лице мэргэдов, из которых был первый муж Огэлун. Плоды этого поступка отца было суждено пожинать его сыну, Тэмуджину-Чингисхану, через 20 лет...

* * *

В 1162 г. Есухэй-батор, оставив дома Огэлун, выступил на очередную войну с татарами; его воинству удалось не только отбить наступление татарских племен, но и пленить их знатных воевод – Тэмуджин Угэ и Хори буха.

С этой долгожданной для монголов победой совпало и другое знаменательное событие – рождение его и Огэлун первенца, которому он дал имя Тэмуджин.

Выбор Есухэй-батара именно этого имени определил древний тюркско-монгольский обычай «называть имена по наиболее бросающемуся в глаза явлению при рождении»¹⁴⁰ ребенка. А этим событием были победа над татарами и пленение их воевод Тэмуджин угэ и Хори буха, а также то обстоятельство, что будущий властитель мира родился, сжимая в руке сгусток крови. Поэтому родители, дабы «запечатлеть его воинственность и славу», и нарекли его Тэмуджином.

¹³⁷ ГруссеР. Чингисхан: покоритель вселенной. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 31.

¹³⁸ Это известие указывает на существование в эпоху Чингисхана полигамии – обычая, широко распространенного среди кочевых народов Азии, начиная с хунну, которые не ограничивали себя количеством жен.

¹³⁹ Здесь речь идет об одном из «дурных обычаев», впоследствии отмененном Чингисханом исходя из горького опыта своей семьи.

¹⁴⁰ Владимирцов Б. Я. Чингисхан // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 148.

* * *

Описывая процесс исторического развития средневекового родоплеменного монгольского общества эпохи ближайших прародителей Чингисхана и, в частности, новые формы и условия хозяйственной деятельности и социальной жизни монгольских скотоводов-кочевников XII в., мы затронули вопрос об *источниках происхождения мировоззрения Чингисхана*.

Но поскольку мировоззрение – это не только содержание, но и способ познания окружающей действительности, далее мы расскажем о том, «в каком духе» воспитывались дети Есүхэй-батара и Огэлун и, в частности, Тэмуджин, и каким образом формировалась *система взглядов нашего героя на окружающую действительность и его место в ней*.

Представление об этом дают сведения, содержащиеся в уже не раз процитированном «Сборнике летописей» Рашида ад-Дина, а также в записках китайских послов-шпионов Чжао Хуна¹⁴¹, Пэн Да-я и Сюй Тина¹⁴², а также европейских христианских миссионеров Плано Карпини и Вильгельма де Рубрука, посетивших Великий Монгольский Улус в первой половине XIII в.

Чжао Хун отнюдь не для красного словца написал о монголах-воинах следующее:

«Татары (монголы. – А. М.) рождаются и вырастают в седле. Сами собой они выучиваются сражаться. С весны до зимы [они] каждый день гонятся и охотятся. [Это] и есть их средство к существованию...»¹⁴³

Христианский миссионер Плано Карпини, побывавший в Монголии в 40-х гг. XIII в., подтвердил и развил наблюдения Чжао Хуна: «...Дети их (монголов. – А. М.), когда им два или три года от роду... начинают ездить верхом и управлять лошадьми... Им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы»¹⁴⁴.

Несомненно, Тэмуджин в детстве прошел под руководством отца подобное обучение и не раз участвовал в облавных охотах. Именно с этими своего рода военными сборами и маневрами были связаны, пожалуй, самые примечательные и запоминающиеся ощущения его детства.

Следующим обязательным компонентом воспитания монгольских детей той эпохи было упомянутое нами ранее «*наставление в [знании]родословия каждого появившегося на свет ребенка*»¹⁴⁵.

Вот и юный Тэмуджин слышал от родителей «старопрежние», «стародедовские» притчи, «истины седые» – древние предания, мифы и легенды; узнал из них о своей родословной и своем «прародителе Бортэ-Чино, который был рожден с благоволения Всевышнего Тэнгри», а также о «сыне Всевышнего Тэнгри» Бодончаре, которому по воле Небесного Владыки было суждено стать родоначальником «золотого» – ханского рода, «владычествовавшего над всеми». Таким образом, именно в этих легендах было впервые четко рассказано с позиций тэнгрианства, то есть культа Тэнгри шаманизма древних кочевников, о «небесном мандате» рода хиад-боржигин на ханскую власть¹⁴⁶. Из тех же древних мифов и легенд он почерпнул азы *мифологической нормативной системы древних монголов*.

¹⁴¹ Посол державы Южных Сунов Чжао Хун – автор самого древнего китайского источника (1220–1221 гг.) по истории Великого Монгольского Улуса эпохи Чингисхана.

¹⁴² Совместный отчет участников южно-сунских дипломатических миссий в Великий Монгольский Улус – Пэн Да-я (1233 г.) и Сюй Тина (1235 г.) – содержал обширные сведения о повседневной жизни, хозяйстве и быте монголов, их традициях и обычаях, многие из которых в качестве «системы запретов» были узаконены в «Книге Великой Ясы».

¹⁴³ Чжао Хун. Полное описание монголо-татар (Мэн-да бэй-лу) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info>.

¹⁴⁴ Карпини Дж. История монголов. СПб.: Литео, 2014. С. 15.

¹⁴⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. С. 13.

¹⁴⁶ Там же. С. 8.

Крупнейший историк русского зарубежья, один из основателей евразийства Г. В. Вернадский писал по поводу влияния «слов предков сокровенных» и, в частности, «Легенды об Алан-гоа» на *мировосприятие* юного Тэмуджина: «Теперь перед нами стоит задача определить, когда легенда о сверхъестественном рождении трех последних сыновей Алан-гоа была введена в монгольскую генеалогию. Было ли это после того, как Тэмуджин стал императором (Великим ханом. – А. М.), или же до того? Этот вопрос имеет отношение к духу и психологии Тэмуджина. Если мы полагаем, что легенда была частью монгольской традиции до его рождения, то мы должны признать ее полное влияние на ум (мировосприятие. – А. М.) мальчика Тэмуджина. В этом случае легенда должна была послужить одним из оснований веры Тэмуджина в его великую судьбу. Хотя вопрос не может получить точного ответа, простой факт того, что два других ее сына также, по преданию, были рождены сверхъестественным путем, служит свидетельством создания легенды задолго до прихода Тэмуджина на императорский трон и, возможно, задолго до его рождения»¹⁴⁷.

В системе воспитания монгольских детей в эпоху Чингисхана трудно переоценить роль традиционных верований древних монголов – тэнгрианства или небопочитания, являвшегося фундаментальной концепцией народной религии древних обитателей Монголии – шаманизма¹⁴⁸. Именно культ Всевышнего Тэнгри определял отношение монголов к окружающей действительности и самим себе¹⁴⁹.

Древние монголы почитали Вечное Синее Небо как верховное божество – Всевышнего Тэнгри или Небесного Владыку дарующего жизнь, одушевляющего все живое, управляющего миром и руководящего делами человека, посылающего на землю своего избранника, которому суждено быть вершителем великих дел. И эта мысль главенствует в их мифологии и шаманизме.

Именно об этом поведали Тэмуджину-Чингисхану родители, рассказывая легендарную генеалогию его «золотого» рода хиад-боржигин, благодаря чему у юного Тэмуджина начало формироваться *религиозно-мифологическое мировоззрение с культом Всевышнего Тэнгри и Матери-Земли*¹⁵⁰.

По мнению известного представителя евразийского движения, калмыцкого ученого Э. Хара-Давана¹⁵¹, характерной особенностью религиозно-мифологического мировоззрения монголов эпохи Тэмуджина-Чингисхана было то, что **«веру исповедовали не только формально, но и претворяли ее в свою повседневную жизнь, так что религия вошла в быт, а быт в религию»** (выделено мной. – А. М.)¹⁵².

¹⁴⁷ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь: Леан; М.: Аграф, 1997. С. 27.

¹⁴⁸ «Согласно шаманизму, Тенгери (Всевышний Тэнгри. – А. М.) как нечто отвлеченное, подобное Богу представляет собою высшее мужское начало, управляющее всеми природными и социальными явлениями в мироздании, в то время как Земля является подчиненным женским началом (по-монгольски – эцэг Тенгери [Отец Тенгери] и эх газар [Мать-Земля])» (Бира Ш. Тэнгэризм // Век глобализации, 2009. № 1).

¹⁴⁹ «Все воззрения и суждения древних монголов определялись шаманизмом, традиционной верой кочевников. А культ Вечного Всевышнего Тэнгри, или тэнгрианство, был достаточно хорошо развитым отвлеченным понятием шаманизма... Все древние монголы почитали Вечного Тэнгри как подобную Богу высшую сверхъестественную силу... На основе тэнгрианства последовательно сформировались несколько элементарных концепций, в частности, самая древняя из политических идей монголов – концепция небесного происхождения и характера ханской власти... В дальнейшем именно этот культ определил основы политической идеологии монгольских ханов» (Бира Ш. Монгольский тэнгэризм и тэнгэризация // Чингисхан в мировой истории. Сборник статей. Улан-Батор, 2012. С. 8–9).

¹⁵⁰ О культе Всевышнего Тэнгри и Матери-Земли в монгольской мифологии можно подробно прочесть в книге: Дулам С. Образы монгольской мифологии (на монг. яз.). Улан-Батор, 2009. С. 57–113.

¹⁵¹ Эренжен Хара-Давай (1883–1941) – калмык по национальности, выпускник Петербургской Военно-медицинской академии; оказавшись в рядах оппозиции советской власти, эмигрировал в Европу; представитель раннего евразийства, сторонники которого отстаивали геополитическую преемственность Московской Руси от Золотой орды (Хара-Даван Э. Чингисхан. Великий завоеватель. М.: Вече, 2008, С. 23).

¹⁵² Хара-Даван Э. Чингисхан. Великий завоеватель. М.: Вече, 2008. С. 107.

Подтверждением тому являются свидетельства современников Чингисхана. Так, упомянутый выше посол императора Южно-Сунской династии, китаец Чжао Хун, в «Записке о монголо-татарах» отмечал, что «...они [монголы] непременно поклоняются Небу (Всевышнему Тэнгри – А. М.)... Они обыкновенно весьма чтут Небо и Землю; во всяком деле упоминают о Небе (то есть призывают Небо в свидетели)...говоря, такова воля Неба»¹⁵³.

В путевых заметках двух других послов Южно-Сунской державы Пэн Да-я и Сюй Тина мы читаем: «Когда они хотят сделать [какое-либо] дело, то говорят: “Небо (Всевышний Тэнгри. – А. М.) учит так”. Когда же они уже сделали [какое-либо] дело, то говорят: “[Это] знает Небо!” [У них] не бывает ни одного дела, которое не приписывалось бы Небу (Всевышнему Тэнгри. – А. М.). Так поступают все...»¹⁵⁴

Плано Карпини в своей «Истории монголов» подтверждает наблюдения своего предшественника: «Они [монголы] веруют в единого Бога (Всевышнего Тэнгри. – А. М.), которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также и признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений...»¹⁵⁵

Именно в такой атмосфере проходило мировоззренческое становление Тэмуджина-Чингисхана, важнейшие элементы которого, помимо условий материальной и социальной жизни общества монгольских кочевников XII–XIII вв., определили, во-первых, поведенная его родителями легендарная генеалогия («классификационное родство»), в которой обосновывалось «небесное избранничество» его прародителей, в первую очередь его «золотого рода» – хиад-боржигин, а значит, и его самого; во-вторых, традиционные верования монголов – тэнгрианство, «претворенное» в повседневном быту монголов; наконец, в-третьих, социальные нормы регулятивной системы родоплеменного общества древнемонгольских кочевников, «входившие в саму жизнедеятельность людей, выражая и обеспечивая социально-экономическое единство рода, племени»¹⁵⁶, находившие свое выражение в пришедших из глубины веков мифах, традициях, обычаях, ритуалах, обрядах и регулировавшие в Монгольском улусе, а затем и в улусе «Хамаг Монгол» за неимением законов¹⁵⁷ взаимоотношения между сородичами¹⁵⁸.

Впоследствии мировоззренческая система нашего героя сформировала его жизненные ценности, идеалы и принципы; определила религиозные убеждения, правовые и моральные нормы поведения, которыми он руководствовался по жизни. И все это, вместе взятое, обусловило его жизненные цели и деяния.

Несомненно, важнейшей целью его жизни стали создание Великого Монгольского Улуса и формирование «Книги Великой Ясы».

В следующей главе, продолжая рассказ о процессе формирования и дальнейшего развития религиозно-мифологического мировоззрения Чингисхана, повествуя о его деяниях, направленных сначала на воссоздание улуса «Хамаг Монгол», а затем и на объединение всех монгольских племен, мы выявим не только исторические условия, внутренние и внешние факторы создания Великого Монгольского Улуса, но и социально-экономические предпосылки формирования «Книги Великой Ясы», а также попытаемся восстановить хронологию этого процесса.

¹⁵³ Чжао Хун. Записка о монголо-татарах // Чингисхана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 625.

¹⁵⁴ Пэн Да-я, Сюй Тин. Краткие сведения о черных татарах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info>.

¹⁵⁵ Карпини Дж. История монголов // Чингисхана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 647.

¹⁵⁶ Теория государства и права / Под ред. А. В. Малько и А. Ю. Соломатина. СПб.: Юридический центр, 2016. С. 28.

¹⁵⁷ В детские и юношеские годы Тэмуджина не было писаных законов, но по-прежнему использовались социальные нормы старой регулятивной системы, многие из которых, как и родословные, передавались монголами из поколения в поколение, дошли до эпохи Чингисхана; некоторые из них, как «дурные обычаи», были им отменены, другие – переняты им и его соратниками и вместе с «положенными им самим похвальными обычаями» использованы при формировании «Книги Великой Ясы».

¹⁵⁸ О некоторых правовых обычаях, унаследованных монголами IX – первой половины XII в. от своих древних предков, рассказано выше. О других нормах обычного права, судя по источникам, применявшимся во второй половине XII в., речь пойдет далее.

Глава 2

Исторические условия, внутренние и внешние факторы создания Великого Монгольского Улуса, социально-экономические предпосылки формирования «Книги Великой Ясы» (80-е гг. XII в. – 1206 г.)

*Поелику Всеvyšний (Тэнгри. – А. М.) отличил Чингисхана умом и рассудком от его сотоварищей и возвысил его над царями мира по бдительности и могуществу то он без утомительного рассмотрения летописей и без докучного соображения с древностями единственно из страниц своей души изобретал то, что известно из обычаев гордых хосроев и что записано о порядках фараонов и кесарей, и из ума-разума своего сочинял то, что было связано с устройством стран и относилось к сокрушению мощи врагов и к возвышению степени своих подвластных...
А. -М. Джувейни¹⁵⁹*

*Когда монголы осознали свое положение, весьма подавленные своей несчастной и бедной жизнью, они обратились к помощи Бога (Всеvyšнего Тэнгри. – А. М.), Создателя неба и земли, и заключили с ним великое соглашение, повинувшись его повелениям. По приказанию Бога им явился ангел в виде орла с золотыми перьями и заговорил их собственной речью и языком с воздем, которого звали Чанкез (Чингис)... Затем ангел сообщил им все повеления Бога, которые сами они называют Ясак.
Инок Магакия¹⁶⁰*

¹⁵⁹ Джувейни А.-М. Чингисхан. История завоевателя мира // Чингисхана. Свод свидетельств современников. М.: Эксмо, 2009. С. 463.

¹⁶⁰ Инок Магакия. История народа стрелков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://drevlit.ru/texts/m/magakia.php>.

Помимо указанных выше факторов, на процесс мировоззренческого становления юного Тэмуджина, несомненно, повлияли случившиеся тогда в жизни его семьи печальные события. В чреде этих событий особое место занимает происшествие, которое закончилось трагично и для его отца, Есүхэй-батора, и для всей семьи.

«Когда исполнилось Тэмуджину девять лет, Есүхэй-батор отправился вместе с ним к родичам жены – олхунудам – сватать сыну невесту», – так автор «Сокровенного сказания монголов» начал описание традиционного для монголов ритуала сватовства и последовавших за ним событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.